

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**ОРУЖИЕ В МИРЕ СИМВОЛОВ
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 46.04.01 История
заочной формы обучения, 02031555 группы
Попова Ивана Михайловича

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент
Кулабухов В.С.

Рецензент:
кандидат исторических наук, доцент
кафедры социологии и управления
БГТУ им. В.Г. Шухова
Смоленская О.А.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Виды холодного оружия в Древней Руси и их символическое значение	15
§ 1 Понятие символ, его виды и характеристика	15
§ 2 Оружие, получившее символическое значение в системе социально–политических отношений.	21
§ 3 Меч, сабля и боевой топор – как наиболее символизированные древнерусские виды оружия	25
§ 4 Булова, шестопёр, палица, копьё и лук – как оружие и символический образ	36
Глава II. Роль отдельных видов холодного оружия в системе религиозно-магических представлений и народном эпосе Древней Руси	42
§ 1 Меч в системе религиозно-магических представлений.	42
§ 2 Топор и лук в народном эпосе	55
Глава III. Основные христианские тенденции в восприятии и осмыслении символики оружия	65
§ 1 Представление о войне в системе ценностей христианской Руси	65
§ 2 Символизм холодного оружия и его место в христианизированной Руси	69
Заключение	77
Библиографический список	81
Приложения	90

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования заключается в том, что без понимания символического отношения к оружию в духовной культуре восточных славян изучение и обобщение культурного пространства Древней Руси и России будет неполным. Правильное понимание и трактовка символики оружия, дошедшей до нас в самых различных источниках, позволяет полнее и лучше понять закономерности взаимодействия бытия и сознания человека и общества средневековой Руси.

Война, как известно древнейшая форма человеческих взаимоотношений. Военные и военно-политические столкновения сопровождают человека с глубокой древности. Сложно определить, когда орудия охоты и промысла превратились в инструмент войны. Но, несомненно, что добыча пропитания и защита интересов племени имели одинаковое значение в жизни и быте первобытного общества. Практически во всех религиях и верованиях мира, различных стран и народов мы находим богов войны, в мифологии и легендах повествования о битвах и сражениях.

Отдельное, особое значение получает и сам инструмент охоты и войны – оружие. Без оружия невысказано ни первое, ни второе, от него во многом зависит добыча, промыслы и исход сражения. Изготовление оружия постепенно становилось отдельным и весьма важным ремеслом, совершенствовались его формы и виды, условия и способы изготовления, многие годы посвящались постижению умения владеть им. Оружие требовало постоянного ухода, почётно-отношения и на протяжении всей жизни сопровождало человека, становясь особым по статусу предметом, и, несомненно, наделялось некоторым социальным и сакральным смыслом в жизни людей и его хозяина. На протяжении веков оружие воспевалось в былинах, мифах и летописях, было окружено легендами и почитанием, становилось определенным символом знатного воинского сословия.

Отношение к оружию претерпело изменения в христианском мировоззрении, но книги Ветхого и Нового завета также особо подчеркивают роль оружия в обществе, но придавая ему значение кары Божье за различные проступки людей. На сегодняшний день существует достаточно количество различных библеизмов, в которых также подчеркивается значение оружия в жизни общества.

Таким образом, оружие представлено в виде двух ипостасях. Первое – как непосредственное оружие для ведения деловых действий, второе – как символический аспект жизни древнерусского общества.

Историография. В отечественной науке история и культура вооружения, военного дела и воинства рассматривалась преимущественно как явление ремесленное и социальное. По отношению к древнерусскому материалу вопросы идеологического сопровождения военной техники, вооружения и организации обычно не ставились. Ранее в отечественной науке вооружение, как и военное дело, рассматривалось с материальной точки зрения. Достаточно мало исследований, в которых оружие рассматривалось бы как объект духовной культуры.

Есть отдельные работы по истории древнерусского вооружения в которых предпринимались небольшие попытки рассмотрения оружия с духовной и идеологической стороны, но носили они дополнительный характер к основному материалу исследования, не ставя перед собой специальных задач и целей, ограничивались лишь описательным методом. Комплексного рассмотрения символики оружия в пространственно – временном и содержательном аспекте в большинстве работ не проводилось.

А.В. Арциховский в своей работе «Древнерусские миниатюры как исторический источник»¹ особо уделял внимание изображению оружия на миниатюрах, считая его важным датирующим материалом, и отдельно касался его символического понимания в системе феодальных ценностей.

¹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. 215 с.

Описанию оружия, его истории посвящены и другие работы автора².

Особо отметить стоит вопрос об оружии, как социально-политическом символе, поставленный в трудах А.Н. Кирпичникова о вооружении Древней Руси³. В контексте становления феодального общества в русском государстве затрагиваются вопросы формирования его жизненных принципов и идеологии, символики с привлечением конкретных археологических памятников, представленных предметами вооружения, их культурным контекстом, отраженным в огромном комплексе письменных и устных источников. У А.Н. Кирпичникова в сравнительном аспекте привлекается так же европейский материал, демонстрируется определенная близость параметров военно-христианской культуры Древней Руси и средневековой Европы.

Также необходимо отметить ещё ряд работ А.Н. Кирпичников, в которые посвящены в целом военному делу, а также характеризуют разные виды холодно оружия⁴.

Значение оружия в системе магических, религиозных и нравственных представлений древней Руси рассмотрено в некоторых работах⁵.

² Арциховский А.В. Оружие // История культуры Древней Руси / ред. Н.Н. Воронин, М.К. Каргер, М.А. Тиханова. М., 1951. С 417 – 438.; Его же. Оружие // Очерки русской культуры XIII-XV вв. / под ред. А.В. Арциховского. М., 1969. С 389–415

³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX – XIII вв. Л., 1966. 143 с.; Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. Л., 1966. 147 с.

⁴ Кирпичников А.Н. Военное дело Руси IX – XV вв. Л., 1976. – 201 с.; Его же. Русское оружие ближнего боя. М.-Л., 1966. 189 с.; Его же. О начале производства мечей на Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1998. Т.4. С. 246–251.; Его же. Снаряжение всадника и коня на Руси IX – XIII вв. СПб., 2006. 140 с.; Кирпичников А.Н., Каинов С.Ю. Меч с рельефными украшениями рукояти из раскопок гнёздовского могильника // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного исторического музея. М., 2001. Вып. 124. С. 68–72.

⁵ Артемьев А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода: 1988. М., 1990. С 5–28.; Галенко А. Лук и ружье в рыцарской символике украинского казачества: парадоксы казацкой идеологии и проблема восточного влияния // *Mediaevalia Ucrainica: ментальность и история идей*. 2003. № 5. С. 47-50.; Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 124 с.; Дрбоглав Д.А. Загадки латинских клейм на мечах XI-XIV вв. / М., 1984. 137 с.; Корзухина Г.Ф. Ладожский топорик // Культура Древней Руси: Сборник статей, посвященных 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина / отв. ред. А.Л. Монгайт. М., 1966. С. 89–96.; Макаров Н.А. Декоративные топорики из Белозерья // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 455 – 456.; Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по

Необходимо отметить, что среди немногих значимых исследований такого рода выделяется работа А.Е. Мусина, ведущего научного сотрудника отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, специалиста в области истории и археологии Древней Руси, истории христианства и церковной идеологии. Его монография «*Milites Christi Древней Руси*»⁶ посвящена реконструкции соотношения воинского и религиозного компонентов в христианской культуре Руси X – XVI вв. Оружью и его отображению в сакральной культуре Древней Руси в своей работе он уделяет особое внимание, считая его важнейшим компонентом духовной воинской идеологии. Привлекая к раскрытию данной темы комплекс письменных источников, также анализируются предметы христианского культа, которые были характерны для дружинного быта и предметы вооружения, несущие на себе христианскую духовную символику.

Рассматривает символику оружия в сравнительно-историческом аспекте, рассматривая влияние на ее становление византийской культуры и западноевропейской, книга демонстрирует изменение отношения русского человека к оружию и воинской службе, рассказывает о сложном переплетении высоких христианских идеалов, жестокой обыденности реальной жизни, всю сложность взаимоотношений человека и общества того времени а также опровергает сложившиеся стереотипы восприятия российской истории.

К изучению темы символического понимания оружия относится ряд публикаций и статей. Все они рассматривают один выбранный вид вооружения или не выходят за рамки довольно узкой темы.

археологии СССР. 1959. № 65. С. 132.; Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII-XIV вв. М., 1966. 184 с.; Скворцов А.Л. Боевые топоры викингов // Тюменский исторический сборник. Вып. 3. Тюмень, 1999. С. 58–59.; Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. 314 с.; Экшотт Э.Р. Археология оружия. М., 2006. 400 с.; Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. 380 с.; Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. СПб., 1994. 138 с.; Рыбаков Б.А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII-XV вв. / под ред. А.В. Арциховского. М., 1969. С. 380–388.; Викинги: Набеги с Севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М., 1996. 168 с.

⁶ Мусин А.Е. *Milites Christi Древней Руси*. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. 368 с.

Например, имеется ряд публикаций, немалое внимание уделяющих топору, как оружию, наделенному особой сакральной значимостью в древнерусской культуре. Здесь необходимо отметить статью В.П. Даркевича «Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве»⁷, так же привлекающую к своей работе разнообразный археологический и этнографический материал.

Культовое значение оружия рассмотрено в статьях работы В.И. Кулакова, специалиста по археологии и истории пруссов, «Культовое оружие балтов и славян»⁸. Автор проводит сравнение орнаментированных древнерусских топориков с аналогичным культовым оружием древних балтов и рассматривает в целом становление культового оружия и его социального значения. Примечательна так же работа историка из Удмуртского государственного университета, кандидата исторических наук – В.В. Долгова. Она носит название «Волшебные мечи в контексте религиозных мировоззрений человека Древней Руси»⁹. Это небольшая статья рассматривает только меч, однако в ней используется ряд древнерусских фольклорных источников, уделяя особое внимание на «волшебство» и необычайные свойства мечей в эпосе и народных сказаниях. Правда, попытки дать объяснение этому и связать их с особенностями древнерусского мировоззрения автором практически не предпринимаются, кроме того, Долгов считает, что представления о волшебном оружии в Древней Руси полностью соответствуют подобным представлениям в Западной Европе и других государствах того времени.

Символике вооружения в духовной культуре Древней Руси уделено так же некоторое внимание и в работах, носящих научно-популярный характер, но, так же затрагивающих интересные стороны трактовки оружия как

⁷ Даркевич. В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4. С. 95 – 96.

⁸ Кулаков В.И. Культовое оружие балтов и славян X-XII вв. // *Slavia Antiqua*. Т. XXX. 1991/92. Poznan, 1993. С. 115 – 130.

⁹ Долгов В.В. Волшебные мечи в контексте религиозных воззрений человека Древней Руси // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005.С. 110 – 125.

символа. Здесь следует выделить работы Л.Р. Прозорова, историка, специализирующегося по истории Киевской Руси¹⁰. Основывая большую часть своих исследований на материале былин, автор затрагивает и особенности отображения различного оружия в них, делая попытку объяснить то или иное отношение к оружию особенностями системы духовно-социальных ценностей древних славян.

Так же к научно-популярной литературе относится книга А.С. Мандзяка «Боевая магия славян»¹¹, где рассматривается совокупность обрядов и ритуалов, основанных на вере в возможность человека сверхъестественным способом воздействовать на явления природы, других людей и самого себя. Отдельно в книге рассмотрено и оружие, как предмет, наделенный сверхъестественными магическими и волшебными свойствами. Свою работу автор подкрепляет широким кругом самых разнообразных источников как Древней Руси, так и южных славян, Западной и Северной Европы.

Проблемы восприятия различных символов в разные исторические эпохи неоднократно поднимались в работах известного философа К.Г. Юнга¹²

Отдельный блок литературы посвящен различным аспектам восприятия и бытования оружия как один из самых распространенных видов символики¹³.

Традиционно известно, что вышеупомянутая символика составляет раздел культуры того или иного общества и, в целом, можно выделить ряд

¹⁰ Прозоров Л.Р. Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен. М., 2006. 208 с.; Его же. Боги и касты языческой Руси. М., 2006. 218 с.

¹¹ Мандзяк А.С. Боевая магия славян. Минск, 2007. 544 с.

¹² Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Человек и его символы / ред. К.Г. Юнг. СПб., 1996. С. 119–121.; Его же. Проблемы души нашего времени. М., 2007. 288 с.

¹³ Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. 293 с.; Лосев А.Ф. Проблемы становления символа и реалистическое искусство. М., 1976. 368 с.; Серафимов Б. Кресты, формы, награды, символы. СПб., 2003. 96 с.; Тен Ю.П. Символы России и зарубежных государств. Ростов н/Д, 2008. 332 с.; Секирич Е. Язык символов – язык вечности. URL: http://www.manwb.ru/articles/simbolon/simbol_lengua/Simbols_lingva_ES/

публикаций, посвященных вышеназванной проблеме¹⁴.

В процессе подготовки выпускной квалификационной работы были использованы периодические публикации в журналах «Советская археология»¹⁵, «Российская археология»¹⁶, «Исторический журнал»¹⁷, «Новгород и Новгородская земля. История и археология»¹⁸, «Военно-исторический журнал»¹⁹, посвященные теме исследования.

Научно-справочные издания, энциклопедии были использованы при рассмотрении понятий, касающихся видовой характеристике холодного оружия и его символического значения²⁰.

Иллюстративный материал и характеристика понятий различных видов оружия Древней Руси, в большей степени, представлен в Большой Советской

¹⁴ Демина Н.А. Отражение поэтической образности в древнерусской живописи // Древнерусское искусство: в 22 тт. Т. 6. Художественная культура домонгольской Руси / редкол. В.Н. Лазарев, Г.К. Вагнер, М.А. Ильин, О.И. Подобедова. М., 1972. С. 7–24.; Лосев А.Ф. История Античной эстетики. М., 1988. 414 с.; Медынцева А.А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991. 240 с.; Прозоров Л.Р. Боги и касты языческой Руси. М., 2006. 321 с.; Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2009. 336 с.; Ужанков А.Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских. М., 1991. 444 с.; Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия / под ред. Г.М. Степанова. М., 1985. С. 326–336.; Фроянов И.Я. Былинная история. СПб., 1997. 450 с.

¹⁵ Кирпичников А.Н. Так называемая сабля Карла Великого // Советская Археология. 1965. № 2. С. 268–276.; Корзухина Г.Ф. Из истории древнерусского оружия // Там же. 1950. Т. 13. С. 74–89.; Седова М.В. Амулет из древнего Новгорода // Там же. 1957. № 4. С. 166–167.; Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // Там же. 1960. № 1. С. 85.

¹⁶ Артемьев А.Р. О мечях-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею // Российская Археология. 1995. № 2. С. 66–74.; Макаров А.Н. Древнерусские амулеты-топорики // Там же. 1992. № 2. С. 41–56.;

¹⁷ Арциховский А.В. Русская дружина по археологическим данным // Исторический журнал. 1939. № 1. С. 193–195.

¹⁸ Артемьев А.Р. Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1994. № 8. С. 158.; Артемьев А.Р., Гайдухов П.Г. Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде // Там же. 1995. № 4. С. 202–206; Васильев, Б.Г. Рисунки-граффити церквей XII в. в Старой Ладогe // Там же. 2001. № 15. С. 232 – 233.

¹⁹ Сухарев Ю.В. Оружие древней Руси // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 12–16.

²⁰ Топор // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. И.И. Соколова. М., 2002. С. 160.; Лук // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти выпусках / Под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Л., 1969. Вып. 3. С. 77 – 78.; Меч // Там же. – С. 102 – 103.; Булава // Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2-х тт. / Автор-составитель В.В. Богуславский. М., 2001. Т. 1. С. 183.; Меч // Свод русского фольклора. Былины. Словарь: в 25 тт. – М.-СПб., 2001. Т. 2. С. 583 – 630; Аверенцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. М., 1989. С. 581–582.

энциклопедии²¹ и других Интернет-ресурсов²².

Таким образом, в процессе написания выпускной квалификационной работы были изучены и проанализированы довольно разнообразные исследования.

Обзор источников. В исследовании использованы различные письменные, устные, вещественные и изобразительные источники.

К письменным источникам относятся сведения о различных видах вооружения в разных списках «Повести временных лет»²³, которая вобрала в себя в большом количестве материалы сказаний, повестей, легенд, устные поэтические предания о различных исторических событиях, а так же частично другие летописи времён Древней Руси.

Древнерусская литература различными жанрами, кроме уже упомянутого летописания, интересующую нас информацию можно найти в знаменитом «Слово о полку Игореве»²⁴, в котором очень сильная фольклорная основа и, вместе с тем, оно тесно связано с книжностью того времени. Кроме того, «Слово о полку Игореве» – крупнейший источник военной лексики и понятий того времени.

²¹ Булава // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1969–1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article001880.html>; Копьё // Там же. URL: <http://bse.sci-lib.com/article064494.html>; Меч // Там же. URL: <http://bse.sci-lib.com/article076167.html>; Палица // Там же. URL: <http://bse.sci-lib.com/article086415.html>; Сабля // Там же. URL: <http://bse.sci-lib.com/article024388.html>; Топор // Там же. URL: <http://bse.sci-lib.com/article111391.html>; Шестопёр // Там же. URL: <http://bse.sci-lib.com/article123758.html>

²² Описание картины «Богатыри (Три богатыря)» Васнецова, 1898. URL: https://muzeimira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1321-opisanie-kartiny-bogatyri-tri-bogatyrya-vasnecova-1898.html; Палица, булава, шестопёр. URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/tradition/palica-bulava-shestoper.html> Русский боевой лук. URL: <http://rusdarpa.ru/?p=363>; Топор // Оружие Древней Руси. URL: <http://historicaldis.ru/blog/43278188142/Oruzhie-Drevney-Rusi>; Радзивилловская летопись. – URL: <http://andvet.narod.ru/BGK/RA/sam1.html>

²³ Повесть временных лет // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. М., 2002. С. 3 – 30.; Повесть временных лет // Хрестоматия по истории России / сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. М., 2003. С. 13 – 45.

²⁴ Слово о полку Игореве // Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси // Библиотека всемирной литературы / под. ред. А.М. Козловского. М., 1969. Т. 15. С. 86 – 132.; Слово о полку Игореве // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. М., 2002. С. 57 – 78.; Слово о полку Игореве // Хрестоматия по истории России / сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. М., 2003. С. 58 – 63.

Отдельно были рассмотрены произведения древнерусской литературы такие как: «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Житие Довмонта Псковского», «Повесть о Вавилоне-граде», «Сказание о Еруслане Лазаревиче»²⁵.

К категории нормативных источников, использованных в работе, относится «Русская правда»²⁶, которая представлена различными списками и редакциями. Анализ текста документа также упоминает о наличии самых разных видов вооружения, но в большей степени, оно связано было связано с представителями младшей дружины. Которые были вооружены различными видами оружия.

К устным источникам отнесены былины, опубликованные в сборнике Ю.А. Андреева²⁷ и русские народные сказки из сборника А.Н. Афанасьева²⁸.

Народный эпос достаточно ярко отражает мифологические и религиозные представления народа, во многом еще дохристианской, языческой эпохи.

Большое внимание было уделено изобразительным источникам. Прежде всего, это миниатюры Радзивилловской и Никоновской летописей, описанные А.В. Арциховским²⁹, а также исследование под редакцией М.В. Кукушкиной³⁰. Несмотря на условность изображения, летописные миниатюры являются превосходным источником для изучения оружия и

²⁵ Повесть о Петре и Февронии // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. М., 2002. С. 233 – 241.; Повесть о Вавилонском царстве // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. М., 2002. С. 218 – 225.; Русская бытовая повесть XV-XVII вв. / Сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Ужанкова. М., 1991. 448 с.

²⁶ Правда Русская: в 2-х томах / Под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1940. Т. 1. 506 с.; Русская Правда в краткой редакции // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г.: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. М., 2004. С. 236 – 259.; Русская Правда в краткой редакции. Пространная редакция Русской Правды // Хрестоматия по истории России / сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. М., 2003. С. 45 – 56.

²⁷ Былины / Под ред. Ю.А. Андреева. Л., 1986. 552 с.

²⁸ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. В 3-х т. М., 1984-1985.

²⁹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. 143 с.

³⁰ Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М.В. Кукушкина. М., 1994. 936 с.

военного дела Древней Руси, они наиболее ярко доносят до нас феодальную символику того времени, позволяя понять систему взаимоотношений человека и общества.

Определенную информацию по видам вооружения и их символическому значению может дать древнерусская иконопись. Репродукции некоторых икон опубликованы в работе В.Н. Лазарева «Русская иконопись от истоков до начала XVI века»³¹. Трудность их изучения заключается в том, что древнерусская живопись посвящена исключительно религиозным сюжетам, которые были подчинены строгим иконографическим канонам. Но именно на иконах, в зрительных образах, наиболее ярко и чётко отражены мировоззренческие установки людей того времени.

Специфическим изобразительным источником стали так называемые «воинские граффити», изображенные на стенах Софийского собора, опубликованные в монографии С.А. Высоцкого³² и некоторые другие.

Так же, в данной работе использованы материалы скандинавских саг³³.

Отдельным блоком можно выделить данные археологии. Различные артефакты, связанные с оружием дают дополнительный материал, не только, по истории военного дела Древней Руси, но и по истории ремесленного производства, связанного с изготовлением различного вида вооружения. С другой стороны, по роли оружия в различных захоронениях древних людей, а также могут быть рассмотрены пути поступления различных видов вооружения на территорию Восточной Европы.

Хронологические рамки исследования достаточно велики. Нижняя граница четко не определена, так как она обусловлена временем складывания

³¹ Лазарев. В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000. 540 с.

³² Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI – XII вв.). Киев, 1976. 456 с.

³³ Кельты. Ирландские сказания / Пер. Л. Володарской. М., 2000. 304 с.; Исландские саги. Ирландский эпос // Библиотека Всемирной литературы / под ред. С. Шлапоберской. М., 1973. 864 с.; Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах // Библиотека всемирной литературы / под ред. С. Шлапоберской. М., 1975. Т. 9. 751 с.; Тегнер Э. Сага о Фритьофе Смелом / Пер. Б. Айхенвальда, А. Смирницкого. М., 1996. 352 с.; Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о северной Руси. Тексты. Перевод. Комментарии / Г.В. Глазырина. М., 1966. – 242 с.

былинного эпоса, что происходит, возможно, в течении VI – IX вв.³⁴ Поэтому, нижней рамкой исследования формально можно считать VI в., верхней границей – XVI в., во времена которого еще сохранялись элементы древнерусской культуры.

Объект исследования – место и роль вооружения в жизни древнерусского общества.

Предмет исследования – особенность проявления закономерностей общественного бытия и общественного сознания в Древней Руси на примере отражения в менталитете славян отношения к войне, в целом, и к оружию, в частности.

Целью работы является выявление основных закономерностей и особенностей, а так же тенденций в становлении и эволюции символики оружия в культурном пространстве Древней Руси.

Основные задачи, решаемые в исследовании:

- рассмотреть различные виды холодного оружия в Древней Руси и отметить их символическое значение;
- выделить роль отдельных видов холодного оружия в системе религиозно-магических представлений и народном эпосе Древней Руси;
- охарактеризовать основные христианские тенденции в восприятии и осмыслении символики различных видов вооружения.

Методологическая основа исследования. В работе использован диалектико-материалистический подход к изучению, как наиболее верный и подходящий для данного исследования, так как он доказывает принцип единства и целостности бытия, всеобщую взаимосвязь предметов и явлений мира в их развитии. Комплексный характер работы предполагает так же использование таких общенаучных методов исследования, таких как синтез, анализ, индукция, дедукция, восхождение от конкретного к общему.

Вместе с общенаучными методами, применялись и специфические методы исторического исследования. Историко-типологический и близкий к

³⁴ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 29 – 58.

нему сравнительно-исторический метод, помогающий раскрыть тождество и различие, понять единичное, особенное и общее однотипных и нетипичных фактов в одинаковых исторических условиях или тех же фактов в разных, но совпадающих или различных по времени условиях.

Новизна исследования. Новизна работы заключается в том, что в процессе исследования рассмотрены различные виды холодного оружия в Древней Руси и отметить их символическое значение; определена роль отдельных видов холодного оружия в системе религиозно-магических представлений и народном эпосе Древней Руси; охарактеризованы основные христианские тенденции в восприятии и осмыслении символики различных видов вооружения.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений.

Во введении раскрывается актуальность выбранной темы, дается характеристика источников и литературы, определяется предмет и объект исследования, сформулированы основные цели и задачи работы, перечисляются методы, применяемые при исследовании выбранной темы.

В первой главе даётся характеристика видам холодного оружия в Древней Руси и их символическому значению.

Во второй главе описывается роль отдельных видов холодного оружия в системе религиозно-магических представлениях и народном эпосе Древней Руси.

В третьей главе рассматриваются основные христианские тенденции в восприятии и осмыслении символики оружия.

В заключении подводятся итоги выпускной квалификационной работы.

Библиографический список дает информацию по источникам и литературе, которые были использованы для написания работы.

В приложении приведены иллюстрации отдельных видов холодного оружия, наглядно подтверждающих теоретический материал.

Глава I. ВИДЫ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

§ 1. Понятие «символ», его виды и характеристика

С давних времён под коротким понятием символ люди подразумевали весьма обширное определение, распространённость и многозначность которого трудно конкретизировать даже сегодня.

Символ – одно из ключевых понятий гуманитарных и социальных наук: культурологи, философии, социологии, истории, психологии, языкознания, политологии, этнографии, эстетики и др. Символы играют важную роль во всем многообразии проявлений человеческой культуры – в идеологии и религии, политике и праве, литературе и музыке, живописи и архитектуре, литературе, этикете, рекламе и торговле. Культуру можно представить в виде системы различных символов, воплощающих идеи, идеалы и смыслы, которыми живет человек и которыми обусловлено развитие и функционирование самой культуры. Знание символов разных народов, государств, религиозных конфессий, международных организаций, политических партий и движений выступает необходимым компонентом современного гуманитарного образования. Каждый человек должен иметь ясное и четкое представление о том, что такое символ, каково его место и роль в культуре и обществе; знать значения; основных символических знаков, правильно их использовать; уважать символы не только своего народа и культуры, но и символы-представителей других религий и культур¹.

Приведём несколько существующих определений символа.

Символ (от греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета). В широком смысле можно сказать, что символ, есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделённый всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ)².

¹ Тен Ю.П. Символы России и зарубежных государств. Ростов /н Д., Феникс, 2008. С. 3.

² Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 2007. С. 216.

Символ (фр. Symbole) в искусстве – это образ, иносказательно выражающий какое-либо широкое понятие или отвлечённую идею. Связь символа с выражаемым им понятием может быть чисто произвольной и субъективной, но может вытекать и из внутреннего сходства, родства между изображённым предметом и его иносказательным значением. В изобразительном искусстве употребление символа особенно уместно тогда, когда нужно в лаконичной, сжатой форме выразить очень широкое, много вмещающее понятие. «Терминологическое закрепление символа произошло в самом конце античности и связывается с именем философа Ямвлиха (240-245 гг. – 325 г. до н.э.), который происхождение символа связывает с тайным египетским учением о символах. Он сообщает, что египетские жрецы получили указание относительно смысла всех данных им символов непосредственно от бога мудрости – Гермеса – Тота в виде 3652 книг о началах универсальных сущностей³.

Мудрецы древности учили, что каждый символ становится хранителем не только той актуальной для нас части Истины, которую мы в состоянии постичь на том или ином этапе своей жизни в зависимости от наших способностей, стремлений и духовных поисков. Он также охраняет ту таинственную, сокровенную часть великой Мудрости, которая останется для нас вечной загадкой, ибо чем более мы будем пытаться ее разоблачить, тем более она будет скрываться, преподавая нам очень полезный урок: чем больше мы познаем, тем больше расширяется круг Непознанного. Чем больше мы знаем, тем сильнее осознаем, сколько осталось еще неведомого, чего мы недостойны и пока не в состоянии понять⁴.

В известной книге «Проблемы души нашего времени» К.Г. Юнг говорит: «Я ни в коем случае не понимаю под символом аллегория или простой знак; скорее я понимаю под ним некий образ, который должен,

³ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. М., 1988. Кн. 1 С. 258.

⁴ Секирич Е. Язык символов – язык вечности. URL: http://www.manwb.ru/articles/simbolon/simbol_lengua/Simbols_lingva_ES/ (дата обращения: 25.12.2017).

насколько это возможно, охарактеризовать всего лишь смутно предполагаемую природу духа. Символ не заключает в себе и не объясняет, а указывает через самого себя еще и на лежащий в стороне, непонятный, лишь смутно предполагаемый смысл, который нельзя было бы удовлетворительно выразить никакими словами нашего современного языка»⁵.

По мнению К.Г. Юнга если существует бесчисленное множество вещей за пределами человеческого понимания, то мы постоянно пользуемся символической терминологией, чтобы представить понятия, которые мы не можем полностью определить или полностью понять. Это одна из причин, по которой все религии пользуются символическим языком или образами. Но подобное сознательное использование символов – лишь один аспект психологического факта большого значения: человек так же продуцирует символы спонтанно и бессознательно в форме слов⁶.

Когда сокровенное значение символа становится в один прекрасный день известным и доступным всем, он частично умирает. Об этом К. Г. Юнг пишет в книге «Психологические типы»: «Пока символ сохраняет жизненность, он является выражением предмета, который иначе не может быть обозначен. Символ сохраняет жизненность только до тех пор, пока он чреват значением. Но как только его смысл родился из него, т. е. как только найдено выражение, формулирующее искомый, ожидаемый или чаемый предмет еще лучше... символ мертв, то есть он имеет еще только историческое значение... Символ теряет свою, так сказать, магическую или, если угодно, освобождающую силу, как только осознается его разложимость. Поэтому действенный символ должен обладать свойством неприкосновенности. Он должен быть наилучшим из всех возможных выражений для данного мирозерцания, который по смыслу безусловно не может быть превзойден; кроме того, он должен быть столь далек от постижения, чтобы критический интеллект не имел никаких путей к его действительному разложению; и, наконец, его эстетическая форма должна

⁵ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. С. 218.

⁶ Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Человек и его символы. СПб., 1996. С. 116-117.

столь убедительно действовать на чувство, чтобы против него не поднимались и аргументы чувства»⁷.

Многогранность и многозначность понятия символа своеобразно характеризует Р. Бекер: «Символ можно сравнить с хрусталем, пропускающим свет самыми разными способами, в зависимости от того, через какую грань этот свет проходит. Можно еще сказать, что символ – это живое существо, частица нашей собственной сущности, находящаяся в постоянном движении и трансформации. Когда мы в него проникаем, в тот момент, когда мы осознаем, что он является толчком для пересмотра и размышлений, изучая его, мы одновременно наблюдаем и изучаем свой собственный путь, перед нами открывается то направление, следуя которому наша душа улетит к новым далям»⁸.

Хотя на самом деле между символом и простым обозначением существует такое же различие, что и между живым человеком и его изображением на фотографии. Так символом может стать почти все: ситуация, предмет, явление, образ, существо, персонаж, – но для этого они должны приобрести определенные свойства, характерные для любой вечно живущей бессмертной сущности или понятия. Та загадочная параллельная жизнь, которую они содержат в себе и открывают перед человеком, должна выходить за пределы настоящего мгновения, за пределы данного физического существования, чтобы действительно приобрести символическое значение. Свойства символа, на самом деле характерны для всех истин, которые являются частью того, что древние философы называли Софией, – универсальной духовной мудрости, отражающейся в мировоззрении всех культур, религий и традиций⁹.

Деятели отечественной науки, во многом так же, схоже дают определение понятию символ, в большинстве случаев соглашаясь и придерживаясь мнения как мудрецов древности, так и зарубежных учёных:

⁷ Цит. по: Секирич Е. Язык символов – язык вечности.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Так русский филолог, специалист по позднеантичной и раннехристианской эпохам, член Союза писателей СССР С.С. Аверенцев, говорил, что «Символ – это 1) в науке (логике, математике и др.) – то же, что знак, 2) в искусстве – универсальная эстетическая категория, раскрывающая через сопоставление со смежными категориями художественного образа, с одной стороны, знака и аллегии с другой»¹⁰.

А философ и филолог, профессор, доктор филологических наук А.Ф. Лосев вообще насчитывал около шестидесяти понятий и определений символа¹¹.

Многие современные исследователи, серьезно занимающиеся языком символов, констатируют то, что давно знали философы древности. Символ не только невозможно понимать буквально; даже зная, что в нем сокрыты глубокие познания о человеке, природе и Вселенной, его недостаточно просто исследовать обычным рациональным способом. Многоплановые значения символа не изучаются, а проживаются, открываются перед нашим внутренним взором постепенно, один за другим, иногда внезапно и неожиданно, иногда в результате длительных безрезультатных поисков, когда мы уже начинаем думать, что все усилия были тщетными. Так или иначе, символ никогда не раскрывает перед человеком всего своего содержания, а только ту часть, которая для него становится актуальной, которую он в состоянии понять, поскольку она созвучна изменениям в его душе, его духовным поискам и стремлениям¹².

Так что определённо раскрыть смысл самого понятия «символ» весьма сложно. И в каждой сфере человеческих взаимоотношений значение и понятие символов будет расхожим и своеобразным, однако имея общие представления о смысле понятия, намного легче конкретизировать его в определённой отрасли и в нужном направлении¹³.

¹⁰ Аверенцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. М., 1989. С. 581-582.

¹¹ Лосев А.Ф. Проблемы становления символа и реалистическое искусство. М., 1976.

¹² Секирич Е. Язык символов – язык вечности.

¹³ Там же.

Таким образом, каждый символ является хранителем Тайны, за которой скрывается еще одна Тайна, и еще одна... и так до бесконечности. Первым шагом к постижению сокровенного содержания символов становится пробуждение в нас некоего предчувствия, еще ничего не объясняющего, ничего не утверждающего и не отрицающего, а только впитывающего происходящее вокруг, постепенно ведущего к формированию в нашей душе более конкретных образов, представлений и предположений. За каждым предчувствием следует новое предчувствие, еще одно, и еще одно... Это цепочка, не имеющая конца. На самом деле работа с символами – это целое искусство, в котором в равной мере сочетаются интуиция и разум. Если бы многозначность символа была его единственным свойством, его можно было бы назвать лишь содержательно богатым обозначением. Однако дело обстоит иначе: при каждой встрече хранителя Тайны с тем, для кого эта Тайна хранится, происходит сильная взаимная реакция. Понимает или не понимает человек сокровенное содержание символа, кажется ли ему его внешняя форма странной и далекой, символ всегда может воздействовать на человека и сыграть в его жизни роль Учителя и наставника, при условии если человек искренне нуждается в этом и не остается к нему равнодушным¹⁴.

Чтобы увидеть, как символ «оживает», нужно «ожить» самому. В момент истинной встречи человека и символа в душе человека наряду со смутными предчувствиями, далекими от конкретного понимания, происходит глобальная встряска, настоящее потрясение, не объяснимое никакими словами. Еще ничего не осознавая и не желая, человек более бессознательно, нежели сознательно начинает реагировать на символ. В его душе символ находит отклик, вступает с ней в резонанс. Никогда не бывает так, что сначала мы понимаем сокровенное содержание символа, а потом происходит все остальное; совсем наоборот. Сначала в каком-то уголке своей души мы вдруг находим созвучие с ним, открываем, что он нам очень интересен и близок. Мы начинаем осознавать, что символ стал для нас

¹⁴ Секирич Е. Язык символов – язык вечности.

вызовом, подталкивающим к переосмыслению многого из того, что мы до сих пор понимали, чувствовали и знали, что многое внутри нас начинает меняться и что благодаря этому даже сама наша жизнь становится другой. Так начинается длительный путь трансформации души, которую вызывает и к которой подталкивает символ. А сам он становится зеркалом этого пути, всех его этапов, испытаний, сомнений и откровений. После истинной встречи с символом ничто не может оставаться таким, каким было раньше, да и сам человек уже не тот¹⁵.

Поэтому, проводя данную работу, мы постараемся понять само значение, не только материальное, но и куда более важное духовное, оружия и его разновидностей как символа в мире сознания человека Древней Руси.

§ 2. Оружие, получившее символическое значение в системе социально-политических отношений.

Информация о самых древних и ранних видах вооружения славян Руси исходят из двух групп источников. Первый – это письменные свидетельства в основном авторов позднего Рима и Византии, которые могли иметь достаточно обширные представления о народе с которым не редко приходилось воевать. Второй – материалы археологических раскопок.

К более поздним источникам, освещающим состояние военного дела и, в том числе, вооружение эпохи Киевской Руси, а затем и русских княжеств домонгольского времени, помимо археологических, относятся сообщения арабских авторов, а затем уже собственно русские летописи и исторические хроники наших соседей. Ценными источниками для данного периода также являются изобразительные материалы: миниатюры, фрески, иконы, мелкая пластика и т.п.¹⁶

¹⁵ Юнг К. Г. Подход к бессознательному. С. 116-117.

¹⁶ Лосев А.Ф. Проблемы становления символа и реалистическое искусство. С. 87.

Византийские авторы неоднократно свидетельствовали, что славяне V – VII вв. не имели защитного вооружения кроме щитов (наличие которых у славян отмечал еще Тацит во II в н. э.). Можно также предположить, что у многих, если не у каждого имелись луки, о которых упоминают гораздо реже. Нет сомнения, что имелись у славян и топоры¹⁷.

Во второй половине IX в., активизация пути «из варяг в греки», привела к усилению скандинавского влияния на славян, в том числе и в области военного дела. В результате слияния его со степным влиянием на местной славянской почве в среднем Поднепровье начал складываться собственный оригинальный древнерусский комплекс вооружения, богатый и универсальный, более разнообразный, чем на Западе или на Востоке. Вбирая в себя и византийские элементы, он в основном сформировался к началу XI в.¹⁸

По мнению А.В. Арциховского: «Меч – главный предмет вооружения профессионального воина на протяжении всего домонгольского периода русской истории¹⁹.

В южных районах Древней Руси со второй половины X века получила распространение сабля.

К рубящее-колющему оружию можно отнести и изредка встречающийся в погребениях не позднее X века большой боевой нож – скрамасакс, пережиток эпохи варварства, типичное оружие германцев, встречавшееся по всей Европе. Издавна были известны на Руси и боевые ножи, постоянно встречающиеся при раскопках. От хозяйственных их отличает большая длина (свыше 15 см), наличие дола – кровостока или ребра жесткости (ромбическое сечение)²⁰.

Очень распространенным рубящим оружием в древнерусском войске был топор, имевший несколько разновидностей, что определялось различиями как в боевом применении, так и в происхождении. В IX – X вв.

¹⁷ Секирич Е. Язык символов – язык вечности.

¹⁸ Там же

¹⁹ Арциховский А.В. Оружие // История культуры Древней Руси. Т. 1. М., 1969. С. 417.

²⁰ Там же.

на вооружении тяжелой пехоты были большие топоры – секиры с мощным трапециевидным лезвием. Появившись на Руси как норманнское заимствование, секира такого типа еще долго сохранялась на северо-западе. Длина топорика секиры определялась ростом владельца. Обычно, превышая метр, она достигала груди стоящего воина²¹.

Копье – важнейший элемент вооружения русского воина в рассматриваемый период. Наконечники копий, после наконечников стрел – наиболее частые из археологических находок предметов вооружения. Копье, несомненно, являлось самым массовым оружием того времени²².

Были на Руси и различные метательные приспособления, но широкого распространения они не получили ни в плане военного ни в плане художественного и духовного искусства.

Киевская Русь и ее исторические преемники – русские земли и княжества были в то время огромной лабораторией, где совершенствовалось военное дело, видоизменяясь под воздействием воинственных соседей, но не теряя национальной основы. И оружейно-техническая сторона его, и тактическая впитывали в себя разнородные иностранные элементы и, перерабатывая, сочетали их, образуя уникальное явление, имя которому «русский лад», «русский обычай», позволявший успешно обороняться от Запада и Востока разным оружием и разными приемами²³.

Так, что обращаясь к различным источникам и работам отечественных, и зарубежных исследователей можно смело сделать вывод о том, что воины Древней Руси имели достаточно широкий спектр вооружения. Какое-то оружие было заимствовано у других народов, что-то было изобретено своими умельцами, но главное, видно и то – что на фоне всех видов и средств вооружения некоторые из них получили в сознании людей не только качественную и материальную, но и что особенно важно для нашей работы, духовную оценку.

²¹ Арциховский А.В. Оружие // История культуры Древней Руси. Т. 1. С. 417.

²² Там же.

²³ Там же.

Так в эпоху средневековья, прежде всего, символическое значение получает такое оружие как меч, сабля, копьё и булава (приложение 1).

Не менее распространенные на Руси боевой топор и лук не наделялись особой символикой. И если лук и стрелы довольно часто изображены на миниатюрах, то боевой топор встречается там крайне редко – с обычными рабочими секирами лишь изредка показаны пехотинцы, восставшие крестьяне и горожане²⁴. Нет упоминаний о боевом топоре в договорах и клятвах, не используется он в выражениях военной лексики. Это не связано с пренебрежительным отношением к боевому топору, как к оружию простолюдина, а к луку как к «неблагородному» оружию.

Для феодальной эпохи не только на Руси, но и стран Европы характерно, что особым вниманием наделяется оружие господствовавшей тогда на полях сражений тяжелой кавалерии (что касается Руси, то речь, конечно же, идет не о столкновениях со степняками и кочевниками, в которых тяжелая кавалерия была менее эффективна, а о междоусобных войнах и сражениях, прежде всего).

Миниатюристы практически полностью игнорируют пехотинцев. Отдельных пеших воинов довольно много, но это или часовые, или представители, присланные от войска. Пеших битв нет вовсе, если не считать народных восстаний. Это явление с таким же успехом можно проследить по миниатюрам западноевропейским, византийским или переднеазиатским²⁵.

Топор же был в основном оружием средневековой пехоты, которая по сравнению с кавалерией была намного менее эффективна, что ярко показала, например, битва при Гастингсе, изображенная на ковре из Байё²⁶. Всадники, очевидно, пользовались легкими одноручными чеканами, но это оружие было вспомогательным, а не основным.

Лук вообще не свойственен тяжелой кавалерии; хотя в позднее

²⁴ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 22.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. М. - Л., 1966. С. 45.

средневековье (XVI – XVII) можно часто увидеть поместную конницу изображенную при луках, но они определенно не являлись ее основным вооружением: тяжелая кавалерия не могла ни выиграть перестрелку у легкой конницы, более дешевой, и, следовательно, более многочисленной, ни составить ей достойную конкуренцию в бою. Так же и в столкновениях с пехотой и стрелками для поместной конницы имело больший смысл атаковать в ближнем бою. И только когда противник не был оснащен дальнобойным оружием, и при этом передвигался медленнее, тогда можно было эффективно применить лук, например, так же как европейские рейтары применяли свои, имеющие весьма малую дальность стрельбы, пистолеты.

§ 3. Меч, сабля и боевой топор – как наиболее символизированные древнерусские виды оружия

Наиболее символизированным оружием Средневековья являлся меч (приложение 2). Важно учитывать, что на протяжении практически всего Средневековья меч не был главным видом вооружения. И тем более никогда не был самым доступным. На полях сражений гораздо чаще встречались копья и топоры, меч же, создававшийся по боле сложной и дорогой технологии, могли позволить себе только богатые воины и вооруженные за чужой счет наемники.

Для раннесредневековой Руси это ярко отображается археологическим материалом: «Десятки наконечников копий – это самая массовая после стрел категория оружейных находок, обнаруженных на городищах предмонгольской поры»²⁷, а «топор найден примерно в каждом третьем кургане, содержащим оружие X – начала XI в.»²⁸, тогда как мечи в погребениях, даже дружинных, довольно редки: один меч приходится на 15-

²⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 9.

²⁸ Там же. С. 44.

40 курганов²⁹. Именно высокая стоимость и «аристократичность» делали меч символом и окружали его ореолом почитания не только на Руси, но еще более ярко и характерно это было для стран Западной Европы. Здесь важно обратить внимание на различие бытования этого оружия.

Вопрос о производстве мечей на Руси в исторической литературе до сих пор считается спорным, но факт их широкого распространения практически никем не ставится под сомнение. Если, так же как и А.Н. Кирпичников, отбросить споры о термине «русы» в византийских и арабских источниках и признать, что это собирательный термин, обозначающий людей, населявших территории русского государства, то сведения о русских мечах весьма устойчивы и отложились в восточной литературе вплоть до XV в³⁰. «Так, русы постоянно носят мечи, видят в них средство к существованию, единоборствуют ими на суде, везут их на восточные рынки»³¹.

Из древнерусских источников наглядно видно, что меч фигурирует в блинах, сказаниях, юридических документах, договорах, клятвах и миниатюрах. Вполне очевидно, что «народ, у которого меч имел такое практическое значение, вероятно, умел его делать»³². Причем, возможно, стоит вести речь не просто об умении делать мечи, а об их широком и «поточковом» производстве.

Очевидно, что изменения в военном деле при Святославе Игоревиче, создание многочисленного войска, требовало, конечно же, и налаживание массового выпуска военного снаряжения, оружия и военных принадлежностей. «Перевооружение войск невозможно без собственного производства. Становление Киевской державы, сопровождалось, по-видимому, ранним и быстрым выделением оружейного ремесла»³³. Конечно, все это не исключает, что в X в. в Восточной Европе преобладали привозные

²⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX – XIII вв. С. 22.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 9.

каролингские мечи, «о масштабе и размахе местного оружейного дела в X в. мы судим пока не по производственным комплексам, а по многочисленной готовой продукции»³⁴, что для нашей работы намного важнее, нежели сам факт производства.

Обширная масса свободного населения древнерусской волости была хорошо вооружена и представляла достаточную военную силу. Поляне, по летописи, дают хазарам по мечу «от дыма», то есть в понимании летописца меч есть в каждом доме, а не только у знати. О том же свидетельствует и статья 12 «Русской правды» в краткой редакции, предусматривающая такой казус: «Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшее в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду»³⁵. Очевидно, что в «своем миру» найти собственное украденное военное снаряжение мог простой свободный общинник, а не княжеский «муж».

В XII столетии меч уже становится массовой продукцией русских оружейников, причем появляются образцы «серийного» производства³⁶, для которого был несомненно тесен исключительно дружинный рынок. Большую часть покупателей составлял не формирующийся в это время слой служилых, условных держателей земли – дворян, а в первую очередь население растущих и богатящихся городов. «Специализация затронула и производство снаряжения кавалеристов. Седла, удила, шпоры стали массовой продукцией»³⁷, что, несомненно, указывает на количественный рост конницы.

Все это очень важно для понимания различия в степени распространенности меча на Руси и в странах Западной Европе, что для данной работы имеет особое значение. Это было вызвано различиями в самом образе жизни и определенными особенностями историко-географических условий. Образ человека-воина в раннесредневековой Западной Европе и на Руси весьма различался. Так, в Европе можно

³⁴ Кирпичников А.Н. Военное дело Руси IX – XV вв. Л., 1976. С. 20.

³⁵ Правда Русская. Т. 1. Под ред. Б.Д. Грекова. М. – Л., 1940. С. 65.

³⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 67, 73.

³⁷ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и коня на Руси IX – XIII вв. Л., 1973. С. 16.

выделить три «типа» воина: король, рыцарь и слуга (король – сюзерен, главная роль которого заключается не в участии в бою, а в руководстве; рыцари – это не очень уж и большое сословие собственно воинов; и военный слуга – наиболее многочисленная группа, однако непосредственно в бою не участвовавшая). На Руси королем можно считать князя, рыцарем – дружинника (при этом, стоит отметить, что княжеские дружины на Руси были гораздо более многочисленными, чем количество рыцарей и близким к ним лиц в составе западноевропейского королевского войска).

Такая разница в численности вызвана тем, что европейский рыцарь X – XII вв. это вассал, феодал, держащий от короля свой лен, а русский дружинник – это человек, живущий на княжеском дворе и обеспечивавшийся непосредственно князем. Хотя различием численности «благородных», профессиональных воинов – рыцарей и дружинников – различие в распространенности мечей полностью не объясняются. «Простой» воин в Европе – это просто военный слуга, который в бою, как мы уже говорили выше, не участвовал, максимум, что ему позволялось – это охрана тыла, обозов, кухни лагеря. На Руси же простой воин – это ополченец, копейщик, принимающий полноценное участие в сражении на равне с князем и дружиной и, естественно, в отличие от европейца, соответствующим образом вооруженный. Военный слуга Западной Европы – это крепостной крестьянин, а русский воин – лично свободен. Так что эта, третья категория воинов, наиболее многочисленная, и определяла распространенность меча.

В самом деле, европейского военного слугу невозможно увидеть с мечом. Западноевропейский пехотинец мало того, что практически не участвовал в боях, он так же не был обучен навыкам индивидуального боя или имел о нем весьма поверхностное представление. В случае, если ему все-таки приходилось принимать участие в бою, то наиболее понятным оружием для него было копье или топор.

Как известно, даже в более позднюю эпоху (XIV – XV вв.) европейская пехота зачастую была вооружена не мечами, а фальшионами – недлинными,

широкими тесаками, больше похожими на большие ножи, которые были проще и на много дешевле в производстве, чем мечи. На Руси основным оружием пешего ратника, являлось, прежде всего, копье, но на случай его слома он был вооружен так же дополнительным оружием – зачастую это был более дешевый и универсальный топор, но многие могли позволить себе и меч, не только как более эффективное оружие в бою, но и как некоторую регалию, отображающую статус свободного человека.

Данный факт подтверждается многими источниками, но наиболее яркий пример можно привести из краткой редакции Русской Правды, где наряду с обычными бытовыми преступлениями в четвертой статье говорится, что человек «если ударил мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то 12 гривен за обиду»³⁸ платит. Это написано рядом со статьей, которая предусматривает наказание за удары палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом другого оружия, штраф за которые так же равен 12 гривнам.

Так что, мы видим, что в Европе меч – это атрибут короля или рыцаря – весьма немногочисленной части как собственно войска, так и всего населения в целом, на Руси же меч мог быть не только у князя и дружинника, но и в зависимости от желания и финансовых возможностей у любого свободного человека.

Так же, стоит сказать, что меч, прежде всего, являлся символом власти. При этом, в сознании людей средневековой эпохи, меч был не просто символическим атрибутом князя, как, например, скипетр, он так же и являлся воплощением властности, как некой силы.

На миниатюрах Радзивиловской летописи легко заметить, что князья всегда вооружены мечами или саблями, а рядовые воины обычно имеют только копья. Это можно проследить и по изображениям отрядов и по фигурам отдельных воинов³⁹ (приложение 3).

Изучая изображения того или иного оружия на миниатюрах, стоит

³⁸ Правда Русская. Т. 1. С. 67.

³⁹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 19.

понимать, что схематичность рисунков не уменьшает их исторической достоверности. Средневековые миниатюристы с большим вниманием и пониманием относились к тому, что и как ими изображается. И важная для того времени феодальная символика тщательно соблюдалась средневековыми иллюстраторами и копиистами даже в схематических изображениях. Строгое соответствие изображения людей с иерархией феодального общества имело свои глубокие основания в самом строе феодального общества и в потребностях верхушки этого общества сохранить этот строй, удерживать за собой господствующее положение⁴⁰.

Необходимо отметить, что требования церкви для иллюстратора были не так важны, чем требования символики феодальной иерархии, как уже описывалось. Так, на миниатюрах Радзивилловской летописи князь постоянно изображен при мече. Даже если князь повернут к зрителю правой стороной и его меч, висящий слева, должно быть плохо видно, иллюстратор все равно подчеркивает его наличие, как например, на миниатюре, изображающей богословские споры, где рукоять меча немного выдвинута вперед, что бы ее было видно и четко прорисована (приложение 4).

Различные устойчивые выражения, встречающиеся в письменных источниках, только подтверждают символичность меча в сознании людей средневековой Руси. Меч выступает ярким символом войны. Например, в следующих цитатах:

«Заиши мечемъ» — завоевать, захватить: «1242: Того же лѣта

Нѣмци прислаша съ поклономъ: „Безъ князя что есмы заиши Водь, Лугу,

Пльсковъ, Лотыголу мечемъ...»; *«Взяти мечь на..., взимати мечь противъ» — пойти против кого-л. войной: «1128: И нарече (Владимир)*

имя городу тому Изяславль, и оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуци

⁴⁰ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 140.

противъ Ярославлим внуком; «Предати(ся) мечю» — убить мечом, быть

убитым мечом: «Аще и звѣремъ даси на снѣдь, аще огню и мечю

предаси мя, я же въ твоеи власти суть; «(Положити) подъ мечь» — убить мечом: «Поставиша я (мужей) на трое: едину часть подъ мечь, а другую продати, а третью въ тьмьници затвориша»⁴¹.

Наиболее красочными образами, полными сложного и глубокого значения, наделяется меч в «Слове о полку Игореве». Он выступает здесь в своем прямом смысле:

«Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломах мечи харалужными»⁴² и в переносном: «Ты бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земле сѣяше»⁴³, «Рано еста начала Половецку землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати»⁴⁴.

Таким образом, такое разностороннее употребление слова «меч» просто объясняется его многозначностью и смысловой насыщенностью, которая берет свои истоки еще в далёкой древности. В народном сознании, отображённом в дошедших до нас былинах и сказках, меч принимает необычайные, волшебные и даже сверхъестественные свойства, что будет подробно рассмотрено во второй главе данной работы.

В южных районах Древней Руси уже со второй половины X века получает широкое распространение сабля (приложение 5), заимствованная из арсенала кочевников. На севере, в Новгородской земле, сабля входит в обращение значительно позже – в XIII веке. В пограничных со степью районах она применялась так же наряду с мечом. Севернее и западнее был

⁴¹ Меч // Словарь-справочник «Слово о полку Игореве»: в 6-ти выпусках / Под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О.В. Творогова. Л., 1969. Вып. 3. С. 102.

⁴² Слово о полку Игореве // Изборник. Сборник произведений Древней Руси / Под ред. А.М. Козловского / Библиотека всемирной литературы. Т. 15. М., 1969. С. 200.

⁴³ Там же. С. 200.

⁴⁴ Там же. С. 204.

распространен тяжелый доспех, против которого сабля не годилась. Для борьбы же с легкой конницей кочевников сабля была предпочтительней. В целом же в русской военной практике в течение всего домонгольского периода превосходство в использовании, пожалуй, принадлежало мечу, что нашло отражение и в источниках.

Так, в летописных эпизодах меч упомянут 52 раза, а сабля только 10; на миниатюрах Радзивилловской летописи нарисованы 220 мечей и 144 сабли⁴⁵. Как и меч, являясь принадлежностью профессионального воина, сабля была оружием «белым», благородным и перенимала на себя некоторую часть символики меча, но не стоит думать что всю. Это оружие было более «демократичное, простое», ближе к народу, поэтому, сохраняя основную символику меча, сабля теряет роль символа высшей, священной власти, важного атрибута христианских воинов-святых. Но становится в один ряд с мечом, понимается как своего рода эмблема русского войска: «времена, когда хазарская и печенежская сабли противопоставлялись русскому мечу, уже прошли»⁴⁶. Так, в Синодальном томе Никоновской летописи, восхваливая поход Д.Ф. Адашева 1559 г. летописец рассказывает: «Русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не была»⁴⁷.

Интересно, что на миниатюрах Радзивилловской летописи сабля выступает, как оружие палача, оружие возмездия, хотя в тексте на это нет никаких специальных указаний. Последнее важно, так как не ставится под сомнение тот факт, что миниатюристы довольно точно придерживались описаний текста, а так как здесь не было никаких специальных указаний, и художник изображал так, как ему это представлялось, то можно увидеть довольно тонкое различие в символике меча и сабли. Меч в подобной роли и значении мы не встречаем. А сабля получается не только более демократичным оружием, она как бы повседневна: и в руках горожан и в руках феодалов она изображена довольно обыденно.

⁴⁵ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 20.

⁴⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX – XIII вв. С. 66.

⁴⁷ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 50.

Меч зачастую выступает в роли какого-либо символа, а сабля изображается практически всегда в своем военном значении, чаще всего в боевом применении и действии. Это находит свое отражение в письменных источниках: с саблей мало переносного смысла выражений – она повсюду «сабля острая», «сабля каленая», «сабля булатная», «сабля светлая», всегда «звонит о шелома», «сечет врагов»: «Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шелома»⁴⁸; «И сѣкоша ѿ (Андрея Боголюбского) мечи и саблями, и копиинныя язвы даша ему»⁴⁹.

Обширное распространение на Руси получили боевые топоры (приложение 6), как уже было сказано «топор найден примерно в каждом третьем кургане, содержащим оружие X – начала XI в.»⁵⁰. Боевой топор имел несколько разновидностей, которые определялись как разным применением, так и происхождением. В IX – X вв. на вооружении тяжелой пехоты были большие топоры. Так называемые секиры с мощным трапециевидными лезвиями. Появившись на Руси как норманнское заимствование, секира такого типа еще долго сохранялась на северо-западе. Гораздо большее распространение получили менее габаритные универсальные боевые топоры так называемого «славянского типа» для действия одной рукой, с гладким обухом и небольшим лезвием, с оттянутой книзу бородкой. Другой разновидностью был кавалерийский топорик – чекан с узким клиновидным лезвием, уравновешенным молотовидным обухом или, реже, клевцом – скорее всего восточного происхождения.

Несмотря на широкую распространенность этого оружия, боевой топорик не становится ярким символом, мало упоминается в летописях и других письменных источниках, не наделяется волшебными свойствами в сказках и былинах наряду с мечом. Примечательно, что та же ситуация наблюдается и в скандинавском эпосе и мифе – они практически полностью игнорируют боевой

⁴⁸ Слово о полку Игореве // Изборник. С. 200.

⁴⁹ Меч // Словарь-справочник. С. 103.

⁵⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 44.

топор⁵¹. Зачастую это объясняют тем, что топорик – оружие, прежде всего, ремесленника, простолюдина, а не воина-профессионала.

В подтверждение выдвигается целый ряд аргументов: топор технологически намного легче изготовить, чем меч, значит он относительно дешев, а так же, соответственно и более доступен; во-вторых, меч более эффективное и сложное в плане применения оружие, и для хорошего владения им необходимы долгие годы тренировки. Подразумевается, что у рядового крестьянина или горожанина нет ни лишнего времени, ни лишних средств, и топор, таким образом, являясь универсальным орудием и в труде и на войне, становился более предпочтительным для непрофессионала, чем, скажем, меч. Именно меч в нашем сознании является необходимым атрибутом воина, доказательством его героичности и принадлежности к воинскому сословию. Это не совсем верно. Эта точка зрения по отношению к рассматриваемому периоду во многом стереотипна и сложилась в целом под влиянием материалов классического и позднего средневековья.

Топор являлся весьма эффективным оружием, особенно если речь идет о пробивании лат, что сделать мечом гораздо сложнее. Так же, если судить по письменным и археологическим источникам, этот тип оружия был весьма популярен и в среде знатных воинов, как в странах Северной Европы, так и на Руси. Например, норвежский конунг Олаф Святой являлся обладателем секиры с весьма выразительным именем – «Хель» (богиня смерти древних скандинавов). Эйрик, сын Харальда Прекрасноволосого, носил прозвище «Кровавая секира», что наверняка отражает его предпочтение в выборе оружия⁵².

Нередкие упоминания в сагах о секирах, «выложенных серебром», нашли свое подтверждение в находках археологов. В частности, может быть названа знаменитая Мамменнская секира, вся поверхность которой искусно

⁵¹ Скворцов А.Л. Боевые топоры викингов // Тюменский исторический сборник. Вып. 3. Тюмень, 1999. С. 58.

⁵² Там же.

украшена серебряными нитями, образующими причудливые узоры⁵³. Такой декорированный топор, естественно, подчеркивал и высокий статус владельца и никоим образом не являлся общинным инструментом для работы с деревом.

Русское парадное, украшенное оружие XI – XII вв. представлено довольно маленькой серией предметов, но топоры занимают в ней значительное место: например, «Владимирский» топорик из собрания Государственного исторического музея. В отделке этого топора использованы серебро, золото и чернь. На лезвии изображено древо жизни с птицами и дракон, пронзенный мечом⁵⁴. Или богато орнаментированный симбирский топорик – подобный изящный предмет, по справедливому предположению В.А. Городцова, «мог быть сделан в Киеве как лучшим центре древнерусского ювелирного искусства»⁵⁵. А так же инкрустированные серебром Белозерские топоры⁵⁶. Все эти примеры представляют топор оружием довольно престижным и богатым. Конечно, топор являлся оружием, прежде всего, пехоты⁵⁷, что так же объясняет «непоэтичность» топора.

Как показывают исследования дружинного Кемского курганного могильника у Белого озера, наличие в погребении боевого топора при отсутствии меча однозначно свидетельствует о принадлежности его владельца к низшей категории профессиональных воинов, по крайней мере, до второй половины XI в.⁵⁸ Но все это если и объясняет отсутствие упоминаний боевых топорыков в эпосе и других источниках, то только отчасти.

Еще одна важная причина объясняется местными условиями, в связи с которыми на территории Руси гораздо шире, чем в Европе, применяется

⁵³ Викинги: Набеги с Севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М., 1996. С. 82.

⁵⁴ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 35.

⁵⁵ Там же. С. 36.

⁵⁶ Макаров Н.А. Декоративные топоры из Белозерья // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 455 – 456.

⁵⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 45.

⁵⁸ Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топоры // Российская археология. 1992. № 2. С. 41.

дерево. Поэтому и работы над ним существенно больше. Если европейского крестьянина мы можем представить себе с весьма различным сельскохозяйственным инвентарем – с вилами, косой, серпом и прочим, то русского простолюдина практически невозможно представить себе без топора.

Таким образом, топор на Руси становится символом простонародья. Еще раз отметим: это не значит, что топор – оружие простолюдина, топор в сознании средневекового человека являлся не менее важным и эффективным оружием, чем меч, но в системе средневековых понятий он становится, прежде всего, символом простого, не знатного человека. Этим объясняется и отсутствие топора как символа сакральной власти, как это было в Западной Европе.

В частности, известно изображение св. Вольфганга, архиепископа Регенсбурга (920-994), на котором святой в традиционном епископском облачении в одной руке держит построенный им храм, а в другой – епископский посох и топор как символы его архиерейского достоинства. Точно так же на паломнических средневековых бляшках-нашивках, которые раздавались у гробницы св. Олафа, король изображен с топором как символом власти⁵⁹. Но нельзя провести подобной аналогии в отношении Руси: «Как атрибут княжеской власти парадный топорик по своему значению, очевидно, уступал копьё и мечу»⁶⁰.

§ 4 Булова, шестопёр, палица, копьё и лук – как оружие и символический образ

Еще одним важным оружием для названной темы является булава (приложение 7) и шестопер (приложение 8). На Руси она была известна с глубокой древности⁶¹, но широкое применение получает в XII – XIII вв., особенно в среднем Поднепровье (на третьем месте по количеству находок

⁵⁹ Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 123.

⁶⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 45.

⁶¹ Там же. С. 47.

вооружения)⁶². На севере и северо-востоке практически не встречается. Булава или шестопер были оружием, прежде всего, конного боя, но, несомненно, широко применялись и пехотой.

В XVI – XVII вв. булава становится не столько оружием, сколько символом царской и воеводской власти. А.Н. Кирпичников справедливо отмечает, что «когда речь идет о булавах, в первую очередь представляются роскошные, нередко усыпанные драгоценностями навершия Московской Руси, служившие символом власти и хранящиеся ныне среди национальных реликвий в Оружейной палате»⁶³.

Гетманам реестровых казаков в Малороссии булаву впервые вручил польский король Стефан Баторий, который этим символом хотел уравнивать их с литовскими коронными гетманами. После перехода Малороссии в русское подданство её гетманы стали получать булаву, а также бунчуки и знамёна от московской власти. Царь Алексей Михайлович через ближнего боярина Бутурлина послал первую булаву гетману Хмельницкому всю из серебра, с надписью «1654» и со своим вензелем. На булаву часто гравировались фамилия владельца или пожаловавшего её, или какое-либо изречение из Святого Писания, родовой герб (у И. Мазепы) или вензель (у И. Самойловича). Отношение к булаве как к символу власти сохранилась и в народной пословице: «Не велик большак, да булава при нем» или «Была бы голова, будет и булава»⁶⁴.

Весьма редкое упоминание в источниках применения такого ударного оружия, как булава или шестопер, объясняется, с одной стороны, тем, что оно было вспомогательным, дублирующим, запасным⁶⁵, а с другой – поэтизацией «благородного» оружия: копья и меча. Древнейшее изображения шестоперов встречаются на миниатюрах Радзивилловской

⁶² Сухарев Ю.В. Оружие древней Руси // Военно-исторический журнал. № 2. 1998. С. 48.

⁶³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 47.

⁶⁴ Булава // Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. / Автор-составитель В.В. Богуславский. М., 2001. Т. 1. С. 183.

⁶⁵ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 55.

летописи у Мстислава Изяславича и у Владимира⁶⁶. Один раз встретилась и шаровидная булава, тоже в руке князя – Глеба Юрьевича (198 л.)⁶⁷.

С одной стороны, булава (или шестопер) являлась символом власти, а с другой стороны, противопоставлена «светлой» сабле, как оружие меньшего достоинства, меньшей воинской чести. Подобное отношение можно увидеть и к родственному булаве оружию – палице.

Палица (приложение 9) выступает в былинах и сказках, прежде всего, как символ богатырской мощи.

Зачастую она железная и практически обязательно очень тяжелая: ««Да если б была палица во сто пудов, я б ее выше облаков подбросил»⁶⁸; «Василий-царевич вышел за кузницу, бросил палицу вверх и подставил голову — палица только погнулась; пришел в кузницу и говорит: «Ну, братцы, палица эта мне по руке!»⁶⁹.

С другой стороны, палица понимается в том же смысле, что и шестопер в Псковской летописи – в Радзивилловской летописи есть миниатюра (156 л.), на которой конник бьет палицей сидящего на задних лапах, поджавшего хвост льва, который являлся гербом Суздальских князей⁷⁰. В соответствующем тексте летописи говорится о поражении Юрия Долгорукого, выгнанного из Переславля своим братом Ярополком. Так как иллюстрируется его поражение, то понятно, почему на льва замахнулись дубинкой и почему лев поджал хвост.

Наиболее ярким было для воинской символики копьё (приложение 10). Это было оружие первого удара, как у пехоты, так и у кавалерии. К середине XII века кавалерийское копьё удлинилось настолько, что при столкновениях часто ломалось, отсюда и выражение «преломить копьё».

Брошенное в направлении расположения войска противника копьё означало сигнал к началу боя. В Скандинавском эпосе именно бросок копья

⁶⁶ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 9.

⁶⁷ Там же. С. 22.

⁶⁸ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х тт. Т. 1. М., 1984. С. 165.

⁶⁹ Там же. С. 370.

⁷⁰ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 33.

Одина – Гунгнира – возвестил начало первой войны – войны между Асами и Ванам. В источниках копьё всегда выступает как знак какого-либо начинания: начала боя, начало похода. Так, два раза на миниатюрах Никоновской летописи копьё изображено в виде символа военных приготовлений: копьё в руке Василия II, который по тексту «заратил ся со царем казанским» и копьё в руке Василия III, который «учал наряжаться против царевичей крымских»⁷¹.

Подобные моменты встречаются и в письменных источниках, когда «преломленное» копьё в руках князя являет собой начавшийся бой: «Андрей же Дюргевичь взя копие свое и поеха напередь и съехася прежде всех и изломи копьё свое»; «Въеха Изяслав один в полки ратных, и копьё свое изломи»; «Изяслав же Глебович, внук Юргев, доспев с дружиною, возма копьё... въгнав за плот к воротам градным, изломи копьё»; «Даниил же вбде копьё свое в ратного, изломившужеса копью, и обнажи меч свои»⁷².

Копьё становится в один ряд с таким благородным, «рыцарским оружием» как меч или сабля. В Новгородской четвертой летописи под 1175 г. есть запись, которая выставляет копьё, вместе с мечом, как символ княжеской силы, власти: «доидоста стола дедня и отня, креста господня заступлением, родителей своих молитвою и своим златым копием и острым мечем»⁷³. В военной лексике копьё получило несколько символических значений, например, «взять град копьём» «копьём добыти», «послужить своим копьём и своими полки»⁷⁴. Наиболее яркая метафора в Слове о полку Игореве: «А мои ти Куряни сводоми къмети: подь трубами повити, подь шеломы възлеляны, конець копия въскръмлени»⁷⁵.

Свое место в военной символике Древней Руси занимает лук (приложение 11). Это оружие, прежде всего, легкой конницы, но, вероятно, лук

⁷¹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 56.

⁷² Сухарев Ю.В. Оружие древней Руси // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 56.

⁷³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 22.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Слово о полку Игореве // Изборник. С. 198.

был и в вооружении старших дружинников, чем последние отличались от западноевропейского рыцарства, где луком в XII веке владели только англичане, норвежцы, венгры и австрийцы.

А.Н. Кирпичников пишет в этой связи, что «начиная с XI в. появляется различие, которое с русской стороны заключается в существовании активной пехоты и массовым применением легкой кавалерии и средств быстротечной конной борьбы: сабель, луков и стрел...»⁷⁶.

Лук довольно часто упоминается в эпосе. Интересно, что в эпосе лук богатырями применяется чаще всего в состязаниях или на охоте, реже – против противника. В письменных источниках лук встречается часто, при этом, он выставляется зачастую наравне с мечом или саблей: «Б бо конь под нимь (князем Даниилом) дивлению подобень, и сдло от злата жьжена, и стрлы и сабля златомь украшена»⁷⁷ «Съ зараніа до вечера, съ вечера до свта летять стрлы каленыя, гримлють сабли о шеломя»⁷⁸. Или такой отрывок из народной песни: «В головахъ, братцы, поставьте вы поклонный крест; / С правой руки положьте калену стрелу; / А с левой руки положьте вы булатный меч»⁷⁹.

Влияние Степи наиболее ярко проявилось по отношению к казачеству – лук занимает определённо значимое место в их военной символике: так, лук является важным элементом на портретах казацких старшин, например – на известном портрете Байды Вишневецкого.левой рукой Байда держит саблю, которой почти не видно, а правой – лук с поставленной на тетиву стрелой. О не случайности изображения легендарного Байды с луком свидетельствует широко известная легенда, в которой рассказывается, как казацкий герой расправился со своими палачами с помощью лука и стрел. Лук присутствует и на портретах других казаков: Петра Сагайдачного (гравюра при стихотворении Саковича), житомирского старосты Семена

⁷⁶ Кирпичников А.Н. Русское оружие ближнего боя. С. 12.

⁷⁷ Лук // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». С. 77.

⁷⁸ Слово о полку Игореве. С. 200.

⁷⁹ Лук // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». С. 78.

Дениска, казака на заставках карт Украины Гийома де Боплана и т.п.⁸⁰ Чуть ли не самыми популярными символами национальной украинской геральдики также является изображение лука и стрел⁸¹.

Так что, если бы последняя развивалась самостоятельно, то эти фигуры заняли бы в ней место таких почетных геральдических знаков, как меч и сабля. Для сравнения: в западноевропейской геральдике лук встречается весьма редко и занимает, соответственно, место «нижайшего» знака.

Таким образом, видно, что на Руси складывается определенная символика оружия, с одной стороны, отвечающая феодальным порядкам того времени, с другой, военно-историческим реалиям. В том качестве, как это было в Западной Европе с ее рыцарской культурой, с внешней обрядностью и символичностью, символика оружия на Руси обширного развития не получает. Это было связано с социально-политическими реалиями, когда наиболее символичное оружие эпохи – меч – не было привилегией только правящей элиты. Это оружие понималось так же как и символ свободного человека, а не только власти. Поэтому определенную символику, связанную с феодальной иерархией, меч получает только в определенные, символические сами по себе моменты, как например, назначение удела или само изображение князей на миниатюрах. Соседство со степью так же диктует определенные особенности в символике оружия. Так особенное значение и восприятие получает лук. В военно-феодальной символике практически отсутствует боевой топор, который воспринимался, прежде всего, как оружие вспомогательное для тяжелой кавалерии и обыденное для пехоты, с одной стороны, с другой – в сознании человека Древней Руси топор был, прежде всего, орудием. Символами русского войска, воспетыми в различных источниках эпического характера, становятся копье, меч, булава и лук.

⁸⁰ Галенко А. Лук и ружье в рыцарской символике украинского казачества: парадоксы казацкой идеологии и проблема восточного влияния // *Mediaevalia Ucrainica: ментальность и история идей*. 2003. № 5. С. 47.

⁸¹ Там же. С. 48.

ГЛАВА II. МЕСТО ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И НАРОДНОМ ЭПОСЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

§ 1. Меч в системе религиозно-магических представлений

Предки наших охотников верили, что главную роль на охоте играет не копьё, не стрелы, не ловушки и силки, а та невидимая, но могучая сила, которая в них заключена и которая ими движет. Человек в меньшей степени замечает свое усилие в установке и изготовлении орудия и в большей – его работу. Так зарождается концепция, что орудие работает не в силу прилагаемых усилий, а в силу присущих ему волшебных свойств. Орудие, таким образом, почитается и обожествляется, становится предметом поклонения. Это хорошо отражено, хоть и несколько в упрощенном варианте, в приведенном в книге В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» отрывке из северорусской рукописи XVI века «Сад спасения», посвященной обращению в христианство лопарей: «Аще иногда камнем зверя убьет – камень почитает, и еще палицею поразит ловимое – палицу боготворит»¹.

В числе самых значимых предметов, наделенных «волшебной силой», непременно было и военное оружие. Наибольшее отражение в системе религиозно-магических представлений находит, конечно же, меч. Это объясняется его сугубо военной функцией, в отличие от копья, топора, стрел, ножа, которые находили свое применение так же в охоте или в хозяйстве, в быту. Это ставит меч в особую категорию «волшебно-магических» предметов.

Представление о том, что оружие действует не в силу прилагаемого труда, а исключительно в силу присущих ему сверхъестественных способностей, приводит к представлению об оружии, действующем без

¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2009. С. 164.

человека. Так, в легендах и сказках разных народов оружие наделено различными необычайными свойствами. Например, меч исландского героя Скегги громко «кричал», заведя рану. Другой меч из легенд викингов, Дайнслейф, не мог вернуться в ножны, если никого не убил². В сказке А.Н. Афанасьева «Царевна – змея» рассказывается о мече-саморубе: «Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьет!»³. Подобной одушевленностью обладают не только мечи. Например, в сказке «Мудрая жена» говорится о подобной мечу-саморубу – дубинке: «Да ведь она не простая; только скажи ей: эй, дубинка, бей-колоти — хоть целую армию, и ту на месте положит»⁴ или топор-саморуб.

Подобное оружие зачастую способно само вершить правый суд. Если в тексте это не сказано прямо и оружие как бы «случайно» выстреливает или наносит рану, то его действие всегда выглядит справедливым, будто бы направленным чьей-то волей. Так, когда пал великий Кухулин, герой многочисленных ирландских легенд, вражеский вождь подошел срубить ему голову. Тогда меч Кухулина вдруг выскользнул из мертвой ладони и отсек руку врага⁵. В русской народной сказке лук сам убивает виноватого: «Пришли они в чистое поле; царевич натянул свой тугой лук, положил одаль: «Становись, матушка, рядом со мною; кто из нас виноват, того кленовая стрела убьет». Мать прижалась к нему близко-близко. Сорвалась стрела и попала ей прямо в сердце»⁶.

В европейских же преданиях вера в магические свойства оружия зачастую уживается рядом с жизненным практицизмом. В этом отношении очень примечателен отрывок из «Саги о Хальвдане Эйстейссоне», в котором говорится, как главный герой, уходя от вылечившей его старухи, получает от нее в подарок меч: «Старуха сказала ему много добрых слов, а затем достала

² Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о северной Руси. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 1966. С. 75.

³ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х тт. М., 1984. Т. 2. С. 268.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Кельты. Ирландские сказания / Перевод, составление Л. Володарская. М., 2000. С. 173.

⁶ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки Т. 2. С. 92.

из-под изголовья завернутый в тряпку сверток. Она вынула оттуда меч, сияющий как зеркало; показалось ему, что яд капал с его лезвия. Она сказала, что тот, кто этот меч носит, всегда побеждает, если только правильно нанести удар»⁷.

Так, основой представлений о волшебных свойствах оружия европейских преданий зачастую становится наличие у них вполне естественных, но превышающих обычные, свойств. «Сияющий как зеркало» меч мог быть изготовлен из высококачественной стали, и по этой причине его владелец имел, конечно, значительное преимущество перед обладателем среднестатистического клинка⁸.

Тому наглядный пример, исландская «Сага о Кормаке», которая рассказывает о волшебном мече Скофнунг, который был спрятан в специальный чехол, прикрывающий рукоять, потому что солнечные лучи не должны были касаться навершия меча. Вынимать меч следовало только, будучи полностью готовым сражаться, и перед тем, как вступить в бой, следовало подышать на лезвие – из под крестовины, согласно преданию, должна была выползти маленькая змейка. Далее сага говорит, что герой обращался с мечом не должным образом: снял чехол неосторожно, солнечный луч попал на лезвие, затем попытался вынуть Скофнунг, но у него не получилось, пока он не наступил ногой на крестовину. «Маленькая змейка появилась, но с мечом обращались не так, как нужно, и удача его пропала. С ревом он вышел из ножен».

Э. Экшотт, известный исследователь оружия, комментирует в своей книге данное «магическое» свойство, объясняя это тем, что меч был сделан в технике «узорной сварки». Клинки таких мечей составляли из трех отдельных частей, причем отдельно выковывали две кромки, а центральная часть составлялась из множества узких железных полос. Железные полосы складывали вдвое, охлаждали различными способами, а затем проковывали;

⁷ Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о северной Руси. С. 75.

⁸ Долгов В.В. «Волшебные мечи» в контексте религиозных представлений человека Древней Руси // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005. С. 121.

потом снова складывали вдвое и снова проковывали, соединяя с отдельными кромками. После этого всю конструкцию крайне осторожно шлифовали и полировали до тех пор, пока поверхность не становилась совершенно гладкой; в результате этой работы центральная часть меча приобретала сложный рисунок, составленный из повторяющихся через равные промежутки узоров, вделанных в металл. Большая часть этих узоров походила на рисунок на змеиной спине⁹.

Волшебство древнерусских мечей, обычно, не связано с каким-то конкретным свойством. Оно не зависит от каких-либо надписей или узоров, нанесенных на клинок, как это было у Ангурвадель, меча Фритьофа из скандинавской саги, на котором были начертаны руны, ярко разгоравшиеся в дни войны и гаснущие в мирное время¹⁰.

Оружие в Древней Руси чаще выступало неким «проводником» судьбы или божественной высшей воли, нежели как предмет, обладавший собственной душой и сознанием. Меч-саморуб, топор-саморуб, лук, вершащий суд – изначально действуют по приказу человека, который активизирует их магическую силу, а не сами по себе. Меч просто имел некую безымянную, таинственную силу, которая, в зависимости от ситуации, проявляла себя должным образом: поражала волшебного змея, излечивала болезнь, вершила справедливость.

Наиболее яркое описание такого волшебного меча относится к «Житию Петра и Февронии Муромских». Само житие относится к XV в., но не вызывает сомнения, что змееборческий сюжет, помещенный книжником в начало произведения, является записью древней муромской легенды, восходящей ко временам гораздо более ранним¹¹. Меч, указанный явившимся молящемуся Петру отроком и добытый из стены, поразил Змея, который от удара волшебным мечом потерял ложный облик, принял свой настоящий вид, «и нача трепетатися, и бысть мертвъ». В былине о женитьбе Святогора

⁹ Эжшотт Э.Р. Археология оружия. М., 2004. С. 124.

¹⁰ Тегнер Э. Сага о Фритьофе Смелом / Пер. Б. Айхенвальда, А. Смирницкого. М., 1996. С. 35.

¹¹ Ужанков А.Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских. М., 1991. С. 400 – 401.

Самсона герой узнает о своей суженой, находит ее спящей, покрытой коростой и «гноищем», и, желая избавиться от невесты, наносит ей удар мечом, а сам уезжает. Между тем, удары меча избавляют девушку от коросты и возвращают ей собственную красоту¹². Или меч, добытый Ерусланом Лазаривечем под головой великана-богатыря, в котором содержится некая сила, способная победить царя Огненного Щита¹³. В «Повести о Вавилонеграде» меч Аспид-змей, наделенный способностью превращаться в змея, сам бьет врагов, главное – удержать его в руках¹⁴.

Понятие о мече, как о предмете, наделенном особой силой и «сознанием», нашло свое отражение в традиции давать оружию имена. Неверно думать, что эта традиция была свойственна Руси в равной степени, как и Европе. В этом заключается одно из важных отличий, обусловленное, вероятно, различием в распространенности меча, которое рассматривалось в предыдущей главе. Так, известны имена многих европейских мечей. Здесь и знаменитая спата Роланда – Дюрандаль, и меч короля Артура и Карла Великого – Эскалибур и Жуаз, мечи скандинавских саг: Скофтунг, Надур, Кфернбитр, Драгвандиль, Скрап, Легбитр, Фотбитр.

Оружью не обязательно иметь волшебные свойства, что бы обладать именем, например, в «Песне о Нибелунгах» марграф Иринг вооружен мечом, который, по видимому, не имеет каких-либо волшебных свойств, но тем не менее носит имя: «И все ж бургунд был ранен – рассек шишак на нем / Могучий Иринг Васкеном, своим стальным мечом»¹⁵. И это не единственный случай как в эпосе, так и в реальной жизни. Имена давались не только мечам, но и такому оружию, как копье, например. Известны Гунгнир – копье Одина; Га Булг – копье Кухулина; Мальте – копье эмира Балигана в «Песни о Роланде»; Ронговеннан – копье короля Артура.

¹² Былины / Под ред. Ю.А. Андреева. Л. 1986. С. 498.

¹³ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х тт. М., 1985. Т. 3. С. 359.

¹⁴ Долгов В.В. «Волшебные мечи» в контексте религиозных представлений человека Древней Руси. С. 122.

¹⁵ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах // Библиотека всемирной литературы // под ред. С. Шлапоберской. Т. 9. М., 1975. С.591.

Несомненно, обычай давать оружию имена своим происхождением уходит в глубокую древность, и, как минимум, в своих ранних формах имеет близкое отношение к магии и к вере в то, что каждый предмет, а так же каждый человек или другое живое существо обладает душой, над которой имя имело большую власть. Это верование находит отражение в уже упомянутой ирландской саге «Кухулин из Муиртеине», где сыну Айфе – Конлаху, сражавшимся с Кухулином, был дан завет: «не называть свое имя даже под страхом смерти»¹⁶. Но в итоге герой раскрывает свое имя и этот момент становится символическим предвестником его гибели.

Обычай давать имена просуществовал в Западной Европе в течение всего Средневековья, даже не смотря на то, что официальная христианская доктрина отрицала наличие души у кого-либо, кроме человека. Стоит заметить, что в отношении Западной Европы, сохранились имена только мечей или копий – рыцарского оружия. Никаких легендарных ножей или топоров. В отношении Северной Европы, где, наряду с мечами, сильно были распространены боевые топоры, читаем у Снорри Стурлусона: «люди называли топоры именами троллей»¹⁷.

Мечи же славянских преданий не имеют имен. Исключением является пожалуй Щербец польских королей династии Пястов и меч Аспид из «Сказания о Вавилоне-граде», произведении, в котором византийская основа подверглась существенной переработке авторами на Руси. В остальных случаях это меч-кладенец. Большое количество упоминаний меча-кладенца в сказках и былинах, относящихся к различным персонажам, ясно указывает, что «кладенец» – не было именем собственным, обозначением конкретного, единственного в своем роде меча.

Корень данного эпитета – «клад» – обычно связывают со словом «класть», т.е. с идеей чего-то спрятанного, добытого из клада или погребения. Словарь Свода Русского фольклора указывает на происхождение

¹⁶ Кельты. Ирландские сказания / Пер. Л. Володарской. М., 2000. С. 154.

¹⁷ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. С. 607.

от слова «укладный», что попросту означает «стальной» – возможно, в какие-то времена стальные мечи производили впечатление своей редкостью. Тем не менее, ясности в этимологии этого слова нет, некоторые ищут его истоки на западе: отмечают связь со староирландским словом «claideb» («меч») и валлийским «cleddyf» того же значение и даже с латинским «gladius»¹⁸.

Особенностями распространенности меча объясняется, вероятно, и различие в «обретении», получении меча героями сказаний и легенд. В Европе судьба каждого отдельного меча предстает перед наблюдателем достаточно ясно. Как уже говорилось, это обусловлено тем, что мечами владели короли и сравнительно немногочисленная часть населения – рыцарство. Если меч переходил из одних рук в другие, то это могло быть по наследству (от благородного, то есть известного человека, так же к благородному), меч мог быть взят как трофей (но, опять же, у благородного человека благородным человеком), мог быть подарен или даже продан, но в любом случае история почти каждого меча в Европе легко прослеживается.

Возможно, именно поэтому происхождение европейских легендарных мечей всегда конкретно: Нораллтах, меч Диармайда кельтских преданий, вручен герою владыкой моря Мананнан Мак Лир; Нагерлинг – меч Дитриха фон Берна был выкован великаном Гримом; Ридилл и Хротти – два магических меча, найденные Зигфридом, были частью сокровищ Фафнира и т.д. В саге о Кухулине есть описание копья: «Еще там было копье Кухулина, имя которому Га Булг, и появилось оно в Сверкающем доме необычным образом...»¹⁹ и далее следует подробное описание «биографии» копья. Зачастую, именно имя меча, его бывшая принадлежность знаменитому герою, конкретному известному королю или мифологическому существу наделяет меч необычайными качествами.

Напротив, меч-кладенец всегда был без «родословной». Он дается в руки лишь такому герою, который может им овладеть. Он может быть

¹⁸ Меч // Свод русского фольклора. Былины. Словарь: в 25 тт. М.-СПб., 2001. Т.2. С. 583-630.

¹⁹ Кельты. Ирландские сказания. С. 112.

сокрыт в земле, замурован в стене, спрятан под плитой. И иногда даже неизвестно как он оказывался в тех или иных местах. В одной из сказок А.Н. Афанасьева меч-кладенец отыскивается под кустом: «Василий-царевич ухватился за куст и выдернул его с корнем — под тем кустом лежит меч-кладенец, боевая палица и вся богатырская сбруя...»²⁰. Или такой мотив обретения волшебного меча, как в «Житии Петра и Февронии Муромских»: к жене муромского князя Павла стал летать Змей «на блуд». Однако жена, которую Змей взял силой, все рассказала мужу и вызнала, что смерть Змею предначертана «от Петрова плеча, от Агрикова меча». Петром звался младший брат Муромского князя, и тот «нача мыслити не сумняся мужествене, како бы убити змиа». Но неизвестно было, что за Агриков меч. Зашел как-то Петр в Воздвиженскую церковь, что бы помолиться в одиночестве. И тут явился ему отрок и произнес: «Княже! Хочеши ли, да покажу ти Агриков мечь?». Князь последовал за отроком, который показал ему щель между плитами, а в ней меч²¹.

Важно особо отметить случаи, когда богатырь выкапывает меч-кладенец из могилы. Этот мотив прослеживается и в европейских преданиях. Еруслан Лазаревич обретает меч-кладенец следующим образом: в поисках оружия, которым он сможет сразить царя Огненного Щита, он заезжает в поле, посреди которого возвышается голова мертвого великана-богатыря. Голова рассказывает Еруслану, что необходимый ему меч спрятан под ней²².

В сказке А.Н. Афанасьева об Иванушке-дурачке отец, умирая, приказал сыновьям три ночи ходить по очереди на могилу и ночевать там. Завет выполняет только младший сын-дурак, за что ему является из могилы отец и передает ему «прибор: копье, палицу боевую и меч-кладенец, и как скоро пропели петухи — свалился в могилу»²³. В исландских сагах можно встретить много упоминаний о том, как оружие зарывали в землю вместе с

²⁰ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 2. С. 188.

²¹ Долгов В.В. «Волшебные мечи» в контексте религиозных представлений человека Древней Руси. С. 123.

²² Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 3. С. 359.

²³ Там же. С. 246.

тeлaми пoгибших вoждeй, и o тoм, кaк нeкoтoрoe вpeмя cпyстя мoгилy oткрывaли для тoгo, чтo бы мeч или кoпье мoжнo былo вынyть и oтдaть внyкy или рoдичy, a инoгдa нeзнaкoмцy, oкaзaвшeмy yслyгy сeмьe. Нaпpимep, ислaндский гeрoй Скeгги, укpaвший мeч Скoфнyнг из мoгилы кoрoлeй-вoинa Хрoльфa Кpaки²⁴. «Если жe eгo нeтpонyтым клaли в мoгилy, тo oчeнь тщaтeльнo зaвopaчивaли и сoхpaняли с сoвepшeннo oчeвидным нaмeрeниeм снoвa вынyть с бoльшими цeрeмoниями, чaстo чeрeз стo или бoлee лeт, и пeрeдaть дocтoйнoмy пpeeмникy»²⁵.

Нe вceгдa oрyжe пoпaдaлo в мoгилы в пpигoднoм к иcпoльзoвaнию cocтoянии. Рeчь пoйдeт oб oбpядe пopчи oрyжия. Этo рaспpocтpaнeннaя тpaдиция Сeвepнoй Eвpoпы. «Имeннo тaм дaннeыe aспeкты ритyлa в рaннeм cpeднeвeкoвe пoлyчили мaксимaльнoe для eвpoпeйских язычникoв рaспpocтpaнeниe и являютcя клaссичeским пpизнaкoм дpeвнocти викингoв»²⁶, – пишeт В.И. Кyлaкoв, нaчaльник Бaлтийскoй экcпeдиции Инститyтa Aрxeoлoгии PAH.

Иccлeдoвaтeль Стapой Лaдoги Г.Ф. Кoрзyхинa, oписывaя зaxoрoнeниe в yрoчищe Плaкyн, oтмeчaeт, чтo в мyжских мoгилах нaхoдилocь oрyжe, в тoм числe coгнyтыe, пepекpyчeнныe нaкoнeчники кoпий²⁷. Oнa тaк жe oтнocит этo к нoрмaннcкoмy oбычaю пopчи oрyжия, «yбивaeмoгo» для тoгo, чтo бы oнo coпpoвoждaлo мepтвoгo вoинa в зaгpoбный мир. Изнeстeн мeч из Гнeздoвскoгo кyргaнa, кoтopый «был coгнyт и слoмaн и в тaкoм видe пoмeщeн в ямy, выpытyю в мaтepикoвoм oснoвaнии кyргaнa»²⁸. Или мeч, нaйдeнный в oднoм из Пpилaдoжских кyргaнoв, кoтopый был paздpoблeн нa шecть чacтeй, слoжeнных зaтeм в пpaвильный ряд²⁹.

²⁴ Экшoтт Э.Р. Aрxeoлoгия oрyжия. М., 2006. С. 121.

²⁵ Там жe. С. 120.

²⁶ Кyлaкoв В.И. Кyльтoвoe oрyжe бaлтoв и cлaвян X–XII вв. // *Slavia Antiqua*. Т. XXXIII. Poznan, 1993. М., 2003. С. 297.

²⁷ Кoрзyхинa Г.Ф. O вpeмeни пoявлeния yкpeплeннoгo пoceлeния в Лaдoгe // *Coвeтcкaя aрxeoлoгия*. 1961. № 3. С. 77.

²⁸ Кирпичникoв A.Н., Kaинoв С. Ю. Мeч с рeльeфными yкpaшeниями pyкoяти из pacoпoк Гнeздoвскoгo мoгильникa // *Гнeздoвo. 125 лeт иccлeдoвaния пaмятникa. Тpyды Гocyдapствeннoгo истopичeскoгo мyзeя*. М., 2001. Вып. 124. С. 68.

²⁹ Кирпичникoв A.Н. Дpeвнepycкoe oрyжe. Вып. 1: Мeчи и сабли IX – XIII вв. С. 24.

Действительно, случаи, когда мечи в погребениях согнуты и сломаны еще в древности достаточно широко известны в северных регионах Руси, однако контекст данного ритуала не всегда обязательно норманнский. «Прием преднамеренной порчи оружия, в том числе мечей, типичен для языческих захоронений дохристианской поры. В Киеве и его округе этот обычай вряд ли удерживается позже третьей четверти X в.»³⁰. А.Н. Кирпичников приводит также пример меча, найденного в бывшем Киевском уезде Киевской губернии примерно в 1890-е гг.: «Навершие рукояти и нижняя половина клинка, по-видимому, были отломаны и не сохранились, а перекрестье сбито со своего первоначального места. На его нижней стороне сохранились отчетливые, сделанные в древности, вмятины от ударов»³¹.

Еще одним ярким примером является так называемая сабля Хойновского (X – пер. пол. XI в.), которая преднамеренно согнута пополам. Кирпичников ее выделяет в качестве исключения, т.к. оружие X – XIII вв. обычно попадало в христианские храмовые погребения высшей феодальной знати в неповрежденном виде. В данном случае, по мнению исследователя, порча клинка явно свидетельствует о том, что само оно состоялось, вероятно, вскоре после крещения, во всяком случае, в пределах княжения Владимира Святославовича, когда в погребальном ритуале киевской знати как-то проявлялась еще языческая традиция порчи предметов³².

Что же касается мотивов порчи оружия, то, возможно, считалось, что, поскольку обряд погребения предполагал переход человека из одного состояния в другое, следовало обеспечить такой же переход и сопровождавшим его при жизни вещам, в том числе и оружию. Надо отметить, что у древних народов, судя по материалам этнографии, потусторонний мир представлялся противоположным живому (как бы мир с перевернутыми связями) в плане оппозиции «целое – не целое».

³⁰ Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.4., М., 1998. С.248.

³¹ Там же.

³² Там же.

Это «типологически обычное» явление, по мнению Б.А. Успенского, в частности, оно характерно для этнографии телеутов (алтайских тюрков). Они, «хороня вместе с покойником вещи, необходимые ему в загробном мире, специально ломают их (причем портят и новые вещи!), имея в виду именно то, что вещи, которые здесь

Распространено мнение, что обряд порчи оружия был связан с отношением к оружию как к одушевленному существу, обладающему именем. Но о различиях в одушевлении и наречении именем оружия на Руси и в Европе было уже сказано выше. Кроме того, в погребения сломанным попадало не только оружие, но и другие предметы. Более вероятно, что данный обряд был связан не с представлениями об одушевленности и ритуальным «убийством» оружия, а с представлениями о загробном мире, в который вместе с покойником «переводятся» необходимые ему для дальнейшего существования там вещи.

Весьма интересный эпизод намеренной порчи оружия встречается в южнославянском эпосе. Так, Марко Кралевич, который дожил до глубокой старости, перед смертью отрубает голову своему коню, что бы тот не достался врагам, ломает саблю на части и бросает свою боевую палицу в море (или в Дунай), после чего ложится и засыпает вечным сном³³.

Неутомимая вера в справедливую и таинственную силу, которая присутствовала в оружии, позволяла воображению народа переносить на предметы вооружения функции правдивого беспристрастного судьи. Оружие становилось «молчаливым свидетелем», гарантом выполнения клятвы или заключения какого-либо договора. Это близко к христианской традиции при клятвах целовать крест, символизируя тем самым, что приносимая клятва дается перед богом. При этом подразумевалось, что человек, принеший ложную клятву, получит заслуженную и неминуемую кару.

По аналогии с клятвами на кресте, имеется ввиду кара в случае невыполнения обещания не от самого меча, как такового, «запомнившего

³³ Мандзяк А.С. Боевая магия славян. Минск, 2007. С. 189.

клятву», как это зачастую буквально воспринимается современными исследователями³⁴, а от бога, прежде всего, имена которых исправно упоминаются в договорах и к которым через оружие была обращена клятва. Но если крест в клятве скорее выступает подтверждением приверженности определенной вере и богу, то меч здесь скорее некий гарант. Не как одухотворенный, а как священный, значимый предмет, который в некотором смысле является частью самого владельца. Ведь меч – дорогое оружие, которое чаще всего не меняется на протяжении жизни; меч – «помощник» в бою, меч отнимает жизни, что, несомненно, делает его в средневековом религиозном сознании связанным с божественной волей (что является так же некоторой попыткой дать оправдание войне). Меч не «сам-по-себе», меч – это именно часть владельца, его принадлежность, самое ценное из того, на чем можно было бы принести клятву. Что может быть хуже для воина и для государства в целом, чем предать собственное оружие? В договоре это ставится наравне с предательством веры и бога.

Основным из главных моментов клятвы является факт расставания воина с его воинскими атрибутами. Таким образом, оставаясь без оружия, человек, с одной стороны, показывает свое доверие, а с другой, делает оружие свидетелем своей клятвы. А.Е. Мусин, обращая внимание на те же моменты клятвы, приходит к выводу, что «выступая в качестве равноправного участника договора и становясь его гарантом, оно [оружие] оказывается вполне одушевленным и персонифицированным, способным действовать вне зависимости от желания своего владельца»³⁵. Представляется, что такой вывод не обоснован и весьма поверхностен. Из приведенных из летописи примеров клятвы с участием оружия, вполне видно, что меч не является в них «сверхсуществом», а выступает лишь как символ верности договору, доверия другой стороне и как гарант, в качестве

³⁴ Например, Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 114; Мандзяк А.С. Боевая магия славян. С. 183.

³⁵ Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 122.

постоянного, ценного и, в некотором смысле священного предмета, принадлежащего определенному воину.

Необходимо обратить внимание так же на формулировку, которая присутствует в обоих договорах, где говорится, что в случае не соблюдения договора «посечет нас собственное оружие». Не стоит понимать этот момент буквально: эта фраза не означает, что в случае нарушения обязательств мечи вдруг обратятся против своих хозяев и убьют их. Более правильное эту формулировку можно рассматривать как проклятие, наравне с обещаниями несчастий в загробной жизни. Мотив смерти от собственного оружия довольно распространен в легендах и сказках. Так, в «Саге о Ньяле» рассказывается о копье воина по имени Халльгрим. Это копье ему заколдовали и никакое иное оружие, кроме него, не могло убить Халльгрима. Один из героев саги – Гуннар – отнял копье и убил им Халльгрима³⁶.

Одна из версий украинской легенды о сотнике Харке рассказывает, что поляки смогли его убить, только лишь его собственной саблей: «А ляхи, как стали рубить Харка, то рубили целых три дня, да никак не изрубят; и сабля иззубрилась пуще железа: наконец догадались, что его надобно рубить его же саблею. А у него сабля была богатырская; она-то его и победила»³⁷. В былине об Иване Годиновиче тоже встречаем мотив смерти от собственного оружия: «И не попал-то Кощей в Ивана во белы груди, / а пролетела стрела в толстый сырой дуб, / от сыра дуба стрелочка отскакивала, / становилася Кощею во белы груди»³⁸. В этой же былине от собственной сабли умирает и предавшая Ивана Настасья Митриевна³⁹.

Так же весьма важный момент связан с тем, что на Руси и в странах Западной Европы, как это отметил Н.П. Павлов-Сильванский, обычай клясться на оружии имел разную форму: в договорах Руси с Византией меч «покладаху» перед богами, а на Западе, присягая на мече, всегда втыкали его

³⁶ Исландские саги. Ирландский эпос // Библиотека всемирной литературы / под ред. С. Шлапоберской. М., 1973. С. 175.

³⁷ Мандзяк А.С. Боевая магия славян. С. 238.

³⁸ Былины. С. 207.

³⁹ Там же. С. 208.

в землю⁴⁰. Тоже самое можно увидеть и на миниатюрах Никоновской летописи. В сцене присяги казанского посла в Москве он пьет из стакана, а перед ним лежат два параллельных меча. В сцене присяги Москве изгнанного из Крыма Ислама Гирея он пьет из кубка, а перед ним лежат три параллельных меча. Магомед Амин в Казани перед московскими послами пьет из сосуда, перед ним на столике лежат два параллельных меча и серая груда земли. «Все эти столько конкретные подробности текстом никак не обусловлены и соответствуют, вероятно, подлинному обряду»⁴¹.

Это различие вполне можно объяснить существовавшим в Европе обычаем вкладывать в оружие священные реликвии. В Дюрандаль был вложен целый набор христианских реликвий – кровь св. Василия, зуб св. Петра, власы св. Дионисия, частица ризы Пресвятой Богородицы; в рукоять другого меча Роланда был вложен гвоздь от распятия⁴².

Так же стоит отметить, что меч наряду со всеми вышеперечисленными свойствами, был ещё и символом веры, защитником от «нечистой» силы – крестом. Во времена крестовых походов (да и в другие тоже) рукоятку меча, имевшую крестообразную форму, часто использовали в качестве импровизированного Креста при молитве⁴³.

§ 2. Топор и лук в народном эпосе

Своё отдельное место в магической и религиозной символике занимает и топор. Как уже было сказано выше, при широком распространении этого оружия, странным кажется тот факт, что этот вид вооружения полностью отсутствует в эпосе и феодальной символике, практически не упоминается в письменных источниках. Вероятно, это объясняется символическим значением топора, прежде всего, как орудия, которое в лесной зоне имело важное значение.

⁴⁰ Прозоров Л.Р. Боги и касты языческой Руси. С. 168.

⁴¹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 130.

⁴² Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 124.

⁴³ Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 38.

Этот вывод подтверждает и сказка А.Н. Афанасьева о топоре-саморубе, где волшебный топор выступает именно как рабочий инструмент: «По щучьему велению, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь». Топор откуда ни взялся – выскочил на двор и начал рубить»⁴⁴. В этом же значении топор упоминается и в другой сказке, где при помощи топора «тяп да ляп – вышел корабль!»⁴⁵.

Есть так же попытки отнести орнаментированные топоры к культовому оружию. Так историк В.И. Кулаков выводит категорию культового оружия, в том числе и топоров, в древностях балтов и славян. Его выводы в основном базируются на орнаменте: «содержание композиции изображений, представленных на восточнославянских топориках (растительный орнамент) указывает на их причастность к культу плодородия»⁴⁶ или: «орнаментальный мотив «процветшего ростка» (так называемый «топорик Андрея Боголюбского», «симбирский топорик» и т.д.) вписывается в схему культовых воззрений связанных с земледельческими обрядами, адресованными богу-громовику»⁴⁷. При этом он указывает, что «культовые топоры, по размерам и ввиду узкого лезвия не пригодные для боевых действий»⁴⁸.

Общеизвестно, что именно узколезвийные и легкие топоры прежде всего считаются боевыми, каковыми, например, являлись чеканы. А.Н. Кирпичников обращает на это особое внимание: «Судя по находкам, «военный» топор почти всегда меньше и легче хозяйственного. Тяжелый и массивный рабочий топор был обременителен в походе и неудобен в битве, воину-профессионалу требовалось более легкое оружие»⁴⁹.

⁴⁴ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 1. С. 321.

⁴⁵ Там же. С. 456.

⁴⁶ Кулаков В.И. Культовое оружие балтов и славян X-XII вв. С. 123.

⁴⁷ Там же. С. 121.

⁴⁸ Там же. С. 123.

⁴⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 29.

Г.Ф. Корзухина так же предполагает в орнаментированных топориках культовое значение, выделяя 11 топоров с плакированными сакральными изображениями⁵⁰. Но такие выводы по отношению к Древней Руси кажутся малообоснованными. Так, приведенный в качестве примера В.И. Кулаковым симбирский топорик, помимо названного растительного орнамента имеет изображение крестов: «на щеках кресты с процветшими кринами, в рамке...», а львиные маски и процветшие крины на нем же исследователь А. Е. Мусин называет «древними христианскими символами»⁵¹.

Так называемый топорик Андрея Боголюбского А.А. Медынцева, основываясь на эпиграфических данных, где, по ее мнению, дважды встречаются буквы «А» и «Юс», считает, что топорик принадлежал киевскому князю Андрею (Всеволоду) Ярославичу (1030-1093) и был изготовлен к интронизации его как киевского князя⁵².

Вообще, орнаментация оружия вовсе не говорит о его культовом значении. Так, украшение орнаментом рукоятей мечей вовсе не возводят к культовому значению. В этом случае примечательно, что орнаментированные узорами топоры XIV в. были найдены в слое строительного мусора в западном притворе церкви великомученицы Параскевы Пятницы на Ярославском Дворище в Новгороде. Два из них имеют орнамент в виде монетовидного клейма-розетки, инкрустированного серебром⁵³. Конечно, нельзя утверждать, что эти топоры являлись рабочим инструментом, но, в любом случае, перед нами пример орнаментированных топориков (причем, без христианской символики), принадлежавших церкви. Несомненно, что большинство богато орнаментированных топоров являлись оружием и несли в себе некоторое церемониальное и ранговое значение.

⁵⁰ Корзухина Г.Ф. Ладожский топорик // Культура Древней Руси: Сборник статей, посвященных 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина / отв. ред. А.Л. Монгайт. М., 1966. С. 93.

⁵¹ Мусин А.Е. Военная культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 163.

⁵² Медынцева А.А. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991. С. 9-15.

⁵³ Мусин А.Е. Военная культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 166.

Важный интерес представляют миниатюрные бронзовые и железные топорики-подвески, имитирующие настоящие топоры. Они являются довольно частыми находками при раскопках древнерусских городищ, селищ и курганов X-XIII вв. Но имели ли эти подвески отношение к оружию – весьма неоднозначный момент.

Так, Н.А. Макаров считает топорики-подвески имитацией настоящих боевых топоров⁵⁴. А.Е. Мусин пишет, что «они являются миниатюрными копиями настоящих боевых или церемониальных топоров, используемых в социальной практике. Этим они существенно отличаются от так называемых «молоточков Тора» IX – X вв.»⁵⁵. Что касается последнего, то В.П. Даркевич в своем исследовании указывает, что IX-X вв. топорики-подвески были близки по своей форме как раз к одному из видов молотков Тора, о чем наиболее ярко свидетельствуют железные привески к гривнам, найденным в Гнездовском могильнике⁵⁶.

Что касается имитации боевых топоров, то здесь невозможно делать однозначные выводы. Лишь некоторые топоры, прежде всего, конечно же, чеканы, справедливо относятся только к оружию⁵⁷. И, что наиболее важно, «важнейшим признаком многих боевых секир является не форма, а размер и вес»⁵⁸. Рабочие топоры часто встречаются в курганах как атрибут мужского захоронения⁵⁹.

Всегда нужно иметь в виду универсальность топора как орудия. Даже те топоры, которые не относятся к боевым, в некоторых случаях употреблялись в военных целях. «Это подтверждается тем, что примерно 10% всех известных рабочих топоров (72 из 760 по нашим подсчетам) найдены в

⁵⁴ Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорик // Российская археология. 1992. № 2. С. 45.

⁵⁵ Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 166. С. 196.

⁵⁶ Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4. С. 92.

⁵⁷ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 28.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

археологических комплексах с разнообразным вооружением, в том числе 7 раз с боевыми секирами»⁶⁰.

Среди довольно разнообразных форм топоров-подвесок, наиболее многочисленной является группа имитирующая топоры с оттянутым вниз лезвием, полукруглым вырезом в основании и удлиненным вырезным обухом – тип IV, по А.Н. Кирпичникову. Топоры этого типа (так же самые массовые по числу находок) в зависимости именно от размера бывают боевыми или рабочими⁶¹.

Поэтому, отождествлять миниатюрные топорики однозначно с боевыми топорами неверно. Тем не менее, считая, что топорики-подвески имитируют именно боевое оружие, А.Е. Мусин и Н.А. Макаров приходят к выводу, что подвески обозначали дружинную культуру с ее культом оружия, имеющим церемониальный характер и служащим символами статуса и власти⁶². Такой вывод представляется мало обоснованным, кроме того, если бы топор становился в это время символом дружинной культуры, вряд ли бы это проигнорировалось различными источниками.

Кроме того, из девяти документированных погребений с топориками два являются женскими. В одном из курганов топорик найден у плеча погребенной женщины, в другом – на груди, на одной низке с бусами. Известны и детские захоронения с топориками-подвесками⁶³. Топор остается символом, прежде всего орудия, которое, в силу своей значимости, вполне могло возноситься до сакрального значения. Не смотря на широкое распространения топоров в вооружении воинов, символического значения в феодальной воинской культуре топор, очевидно, не получает.

В.П. Даркевич, рассматривая топорики-подвески и орнаментацию на них, приходит к выводу, что топор в древнерусском язычестве являлся символом

⁶⁰ Цит. по: Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, IX – XII вв. С. 29.

⁶¹ Там же. С. 36.

⁶² Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 196; Мандзяк А.С. Боевая магия славян. С. 183

⁶³ Макаров А.Н. Древнерусские амулеты-топорики. С.116.

бога Перуна. Обращая отдельное внимание на так называемые «солнечные знаки» в орнаментации и их соседство с зигзагообразными линиями, которые ассоциируются с молниями, исследователь пишет, что «орнаментация древнерусских амулетов-топорики указывает на их предполагаемую связь с громом и молнией, символами которых они являлись»⁶⁴ и, более того: «в гуще славянского земледельческого населения X-XII вв. образ Перуна ассоциировался с летящим по небу огненным топором»⁶⁵.

Такой вывод так же малообоснован. Считать циркульный орнамент символами небесных светил нет достаточных оснований. Хорошо известно, что циркульный орнамент в XI – XIII вв. имел самое широкое распространение и использовался для украшения самых различных предметов от янтарных крестиков до костяных гребней и от височных колец и браслетов до рукоятей ножей и шильев. Несомненно, кружки на топориках-амулетах имели чисто декоративное значение⁶⁶. Молния, который, как считается, символизировал зигзагообразный орнамент, несомненно, являлся символом бога-громовика Перуна, но она находит символическое выражение в образе стрелы. Это ярко отражено в широко распространенном у всех народов Европы и Азии поверьем о «громовых стрелах», которые образуются в земле при ударе молнии. «Громовыми стрелами» считают и белемниты, и неолитические наконечники стрел и копий⁶⁷. В.П. Даркевич пишет, что у словаков было распространено выражение про молнию: «Перунова стрела в тебя!»⁶⁸.

Возможно, миниатюрные топоры являлись защитными амулетами, не связанными конкретно с символикой военной культуры или культом Перуна. «Размеры топорики, способ их ношения и место в составе погребального инвентаря, а так же пережиточные народные поверья и обычаи свидетельствуют о том, что они служили амулетами – предметами, которые

⁶⁴ Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская Археология. 1961. № 4. С. 96.

⁶⁵ Там же. С. 100.

⁶⁶ Макаров А.Н. Древнерусские амулеты-топоры.

⁶⁷ Седова М.В. Амулет из Древнего Новгорода // СА, № 4, 1957. С. 166.

⁶⁸ Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. С. 100.

наделялись сверхъестественными свойствами»⁶⁹. Что бы защитить от злых сил новорожденного ребенка, сербы для него делали амулет в виде маленького топора⁷⁰. Кроме того, охранное значение самого топора проявляется во многих обрядах. Так, топор клали под ноги скотине при первом выгоне на пастбище, что бы уберечь ее от порчи и хищников; для этой же цели на Русском Севере пастух обходил стадо с топором; болгары забивали топор в дерево, что бы защитить себя от волков⁷¹.

Большую роль топор играл в погребальной обрядности – даже сама смерть должна была отступить перед этим орудием. У русских (в районе Керенска), когда покойника клали в гроб, старуха ударяла топором по тому месту, где до этого лежал мертвец, что бы этим «срубить смерть»⁷². И таких примеров можно привести огромное множество. Правда, топор не являлся в этом роде эксклюзивным орудием.

Так же в качестве оберегов широко были распространены острые предметы, такие как, коса, игла, нож, вилы и пр. Их защитные, магические свойства усиливались за счет железа, из которого они были изготовлены. Нечистая сила боялась даже упоминания о железе, на Русском Севере верили, что водяной не тронет человека, если вслух перечислять железные предметы⁷³. Так, например, нож по поверьям использовали для защиты от ведьм, волков, вихря, града – втыкали его в землю, стену или порог, а так же проводили им вокруг себя круг. Это находит отражение и в сказках – для защиты от ведьмы старушка дает молодому попovichу нож: «вот тебе ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся»⁷⁴.

В народном эпосе находится место и луку. Как и копье, лук и стрелы в

⁶⁹ Там же. С. 93.

⁷⁰ Топор // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. И.И. Соколова. М., 2002. С. 462.

⁷¹ Там же. С. 461.

⁷² Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. С. 98.

⁷³ Топор // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. С. 160.

⁷⁴ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 3. С. 76.

эпосе не наделяется волшебными свойствами. Лук и стрелы часто имеют огромные размеры. Например, в сказке Н.А. Афанасьева их несут сорок, пятьдесят человек: «Идет царевна навстречу, а за ней пятьдесят человек лук и стрелу несут»⁷⁵. Это связано с тем, что лук, как и другое «богатырское» оружие часто используется для демонстрации силы. Так, огромными луками и стрелами царевна испытывает женихов.

Особую символику получает стрела. Так, стреле, намного более, чем другому оружию, свойственно действие невидимой, таинственной силы или судьбы. Это вполне объяснимо тем, что на полет стрелы действует большое количество факторов, и ее необычное поведение в полете легче списать на действие «иной» воли. Это находит отражение, прежде всего, в сказках А.Н. Афанасьева о царевне-лягушке, когда выпущенная стрела «выбирает» невесту, а так же в сказках и былинах, связанных с моментами, когда оружие как бы само убивает отрицательного героя, что было рассмотрено выше – в былине о Иване Годиновиче стрела, вернувшись, убивает кощея, а в одной из сказок вершит суд, убивая нечестную мать.

В былине «Добрыня и Маринка» неверный полет стрелы обусловлен нетрезвостью богатыря и дальше обуславливается текстом: «Его правая-то ноженька поглёзнула, / Его левая-то рученька подрогнула, / А не мог згодить Добрыня во сизых голубей, Едва згодил Маринке во красно окно», но дальше стрела попадает именно в Тугарина Змеевича»⁷⁶.

С людскими представлениями об особой магической силе, пребывающей в оружии, связана и попытка подчинить эту силу воле человека заговаривая их. Славянские былинные богатыри употребляют в ряде случаев против своих врагов заговоренные стрелы. Например Илья Муромец, прежде, чем выстрелить из лука в Соловья-разбойника произносит следующие слова: «Ты присвистни, моя стрелочка каленая, / Попади ты в Соловья-

⁷⁵ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 2. С. 68.

⁷⁶ Былины. С. 86.

разбойничка»⁷⁷. В ряде былин герой буквально направляет полет стрелы своим заговором: «Полети, моя каленая стрела, / Выше лесу, выше лесу по поднебесью, / Не пади, моя каленая стрела, / Ни на воду, ни на землю, / А пади, моя каленая стрела, / В турецкий град, в зелен сад, / В зеленый сад, во бел шатер, / Во бел шатер, за золот стол, / За золот стол, на ременчат стул, / Самому Салтану в белу грудь, / Расшиби ему ретиво сердце»⁷⁸.

Таким образом, в данной главе была рассмотрена роль оружия, как символа в религиозно-магических представлениях и народном эпосе Древней Руси. В эпосе мы встречаем, прежде всего, «богатырский» набор оружия: меч или саблю, копьё, лук и палицу (которая всегда булатная). Это, конечно, отражало военные реалии Средневековья. При этом, эпосом, как и письменными источниками, полностью игнорируется топор в качестве оружия. В связи с этим, вряд ли возможно говорить о том, что топор являлся культовым оружием, символом Перуна. Топор в системе символов, вероятно, был, прежде всего, орудием.

Волшебным качеством оружия в былинах и сказках становится его способность действовать независимо от человека («меч-самосек», подобная ему дубинка и пр.), в чем проявляются вышеназванное свойство первобытного мышления, по которому орудие работает не в силу прилагаемых человеком усилий, а в силу присущих ему волшебных свойств. Эта особенность так же находит отражение в способности оружия вершить суд: благодаря особенной силе, оружие как бы становится проводником судьбы, всегда верно убивая виноватого.

Нет сомнений, что это отразилось и в традиции клятв и присяги с участием оружия. Но стоит при этом иметь в виду, что первоначально клятва, несомненно, несла на себе печать мифологических представлений, но затем, особенно когда церковь становится одним из господствующих институтов, превращается в религиозно-правовой, а позднее – в чисто правовой акт. Так

⁷⁷ Былины. С. 56.

⁷⁸ Там же. С. 169.

что, не стоит понимать такие слова летописи, как «посечет нас собственное оружие» буквально. Очевидно так же, что неверно представлять, будто бы оружие считалось живым, способным действовать независимо от человека.

Ритуальное ломание предметов, в том числе и оружия, в погребениях, как было рассмотрено выше, вовсе не является доказательством персонификации, одухотворения оружия. Индивидуализация оружия, традиция давать ему имена, выделять особенные, только данному оружию присущие волшебные свойства, сопровождать оружие «биографией» было присуще Западной Европе в гораздо большей степени, чем Руси, что так же являлось отражением реальности и различиями в бытовании, прежде всего, такого рыцарского оружия, как меч.

ГЛАВА III. ОСНОВНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОСПРИЯТИИ И ОСМЫСЛЕНИИ СИМВОЛИКИ ОРУЖИЯ

§ 1. Представление о войне в системе ценностей христианской Руси

Война средневековыми летописцами представлена в самых разных этапах жизни древнерусского общества. Военные действия отражены не только как боевые столкновения, но эти события носили и ярко выраженный символический характер.

Символизм имел большое значение в жизни средневекового общества. Отечественный историк-медиевист А.Я. Гуревич точно отмечал, что «можно в зависимости от постановки вопроса, изучать человека как *homo politicus* или *homo oeconomicus*, *homo faber*, сосредотачивая внимание соответственно на его политических либо производственных и хозяйственных функциях. Но, невозможно упускать из виду тот факт, что человек, в какой бы общественной ипостаси мы его не рассматривали, по самой своей человеческой природе является *animal symbolicum*, существом, которое творит символы, общается с себе подобными при посредстве знаков и символов и воспринимает мир в качестве символической системы»¹.

Социальные отношения того времени – многие судебные обычаи, договоры, поединки, религиозные и магические ритуалы – помогали и способствовали сохранению старой и возникновению новой символики, в которой оружие играло весьма важную роль. Изучение его символического отражения в различных источниках дает более широкое представление о бытии того времени, об особенностях сознания средневекового общества и составлявших его людей.

Война, по мнению академика Б.Д. Грекова, являлась в средневековом

¹ Гуревич А.Я. Марк Блок и историческая антропология // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 670 – 712.

обществе не только «постоянным промыслом», но и «единственным методом разрешения всякого рода внешнеполитических проблем»².

Эпоха средневековья в этом отношении наиболее символична, что нашло своё отражение в изобразительных источниках, в частности, нарисованное древнерусскими миниатюристами, иконописцами, упомянутое в летописях, сказаниях и былинах оружие приобретает особый смысл. Без понимания душевного, символического преломления отношения к оружию в духовной культуре славян изучение и составление культурного пространства Руси было бы неполным. Правильное понимание и трактовка символики оружия и вооружения дошедшей до нас в самых различных источниках, позволяет лучше и полнее понять закономерности взаимодействия бытия и сознания человека средневековой Руси. Так же, изучение закономерностей восприятия оружия и его символики массовым сознанием нужны и просто необходимы для грамотной трактовки и понимания элементов военной и социально-политической сторон в жизни современных международных отношений, человека и общества.

Как отмечал А.Н. Кирпичников, для средневековой Руси война была почти постоянным явлением. Так, по его подсчётам, только в период с 1060 по 1237 г. письменные источники отмечают 265 крупных и мелких походов, сражений и боев³. Но не совсем верно представлять военные отношения того времени как *bella omnia contra omnes*. С глубокой древности человек, так или иначе, пытался объяснить причины, дать оправдание войне. Воинская и духовная культура развивалась и осуществлялась по определенным законам, была связана с некоторыми ритуалами и нравственными нормами, идеологией. И всё это находит отражение и в отношении к оружию – в его использовании не только как инструмента войны, но и как определенного символа военных и социальных взаимоотношений. При этом не стоит представлять средневековое общество как преимущественно военное. Это

² Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. 317 с.

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX – XIII вв. Л., 1966. С. 123.

справедливо только в том отношении, что в обществе не было четко определенного военного сословия, а сама война не ограничивалась какими-то прифронтовыми районами, она ощущалась довольно сильно и оказывала влияние практически на все общество и людей.

Как отмечают исследователи, мир Средневековья не находился в состоянии непрерывных войн, но важно понимать, что «война не пряталась, она без стеснения демонстрировала и афишировала себя в развлечениях, постройках и в стилях одежды»⁴.

Оружие, сопровождая человеческое общество на протяжении всей жизни (а в некоторых случаях и после смерти), принимало в сознании людей Средневековья различное по своему содержанию символическое значение и смысл. С особым понятием оружие тщательно вырисовывалось миниатюристами и иконописцами, упоминалось в летописях и различных договорах. Такое различное восприятие оружия «народным сознанием» находит свое отражение в дошедших до нас выражениях, былинах и сказаниях, в верованиях и обрядах.

Война по сегодняшний день продолжает играть огромную роль в жизни любого общества. Как отмечали многие исследователи, занимавшие историей средневекового общества: «Человек того времени не мыслил себя без оружия и вне религиозного контекста»⁵. Из 618 различных миниатюр, посвященных в Радзивилловской летописи, большая часть которых относится к изображению батальных сцен, где изображены различные виды оружия.

Еще один яркий пример, позволяющий судить о значении войны в жизни средневекового человека, это рисунки, граффити изображённые на стенах Софийского собора в Киеве, изображающие воинов.

В свою очередь, реалистическое изображение воина в шлеме и с мечом присутствует на южной алтарной стене в пределах святых Иоакима и Анны. В апсиде Георгиевского придела изображен человек в остроконечном шлеме,

⁴ Контамин Ф. Война в Средние века. СПб, 2001. С 87.

⁵ Мусин А.Е. Военная культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 93.

в правой его руке стрела или короткое копье, в левой лук. В Михайловском приделе выцарапано изображение святого воина во весь рост. Воин облачен в античные доспехи, весьма напоминающие те, в которых обычно изображается Дмитрий Солунский или Федор Стратилат. В правой руке воина копье, левая опирается на щит⁶. Воинские рисунки известны и в других храмах. В северном притворе церкви Успения Божией Матери в Старой Ладогe известны граффити XII – XIII вв. с изображением всадников, один из которых держит копье наперевес, а другой поднимает его вверх

Интересно так же граффити с изображением воина на фреске южного столба Нерединской церкви. Характерно, что подобные изображения близки по тематике и стилистике к знаменитым берестяным грамотам мальчика Онфима из Великого Новгорода. Очевидно, что воинские идеалы, и умение их изображать прививались человеку Древней Руси с детства⁷.

А.Е. Мусин в своей книге «*Milites Christi Древней Руси*» справедливо доказывает то, что понимание войны с принятием новых религиозных ценностей не изменилось. Христианство вовсе не пыталось «замалчивать» тот факт, что на войне совершается убийство, или дать какое-то оправдание войнам. Он приводит яркий пример: византийский император Никифор Фока (963-969), который требовал от патриарха Полиевкта и византийского духовенства признать всякого погибшего воина святым⁸.

Ф. Контамин в своем исследовании, посвященном войне в Средние века, обращает внимание, что «в заповедях Нового Завета – не противиться злу, подставлять другую щеку, любить врагов своих и вложить меч в ножны – говорится об осуждении не войны, а лишь индивидуального, личного насилия; напротив, изыскивали отрывки, где военная профессия является

⁶ Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI-XVII вв.). Киев, 1976. С. 117-118.

⁷ Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 248.

⁸ Там же. С. 81.

обычной и законной»⁹.

Очевидно, что христианство не оставалось в стороне от столь значимой части средневековой жизни, как война, и, с постепенным становлением христианских ценностей, происходило его взаимопроникновение в эту сферу, и новая религиозная система ценностей формулировала в своих канонах воинский идеал того времени, в основу которого легла идея важности жертвенного служения выбранному идеалу вплоть до собственной смерти.

§ 2. Символизм холодного оружия и его место в христианизированной Руси

Символика оружия в христианизированной Руси имела важное значение. Не стоит забывать, что все письменные источники, использованные в предыдущих двух главах были написаны уже в эпоху христианства. Несомненно, что происходит некоторое изменение в понимании образа оружия – наряду с представлениями, берущими свое начало в дохристианской Руси, наряду с феодальной и социальной символикой, оружие встает на службу зарождающимся новым воинским и духовным идеалам. Волшебство, таинственная сила оружия отступают на второй план, остаются в глубинах людской памяти, доходят до нас через былины и сказки. Оружие не теряет своей сакральности, но им движет теперь не таинственная сила, не воля судьбы, а Бог, на службу которому это оружие теперь обращено. «Подлинным хозяином оружия является сам Господь, от которого и зависит правильное его употребление даже вне зависимости от воли пользователя»¹⁰.

Интересный в этом отношении эпизод содержится в летописи под 1149

⁹ Контамин Ф. Указ. соч. С. 281.

¹⁰ Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 92.

годом, когда князь Андрей Боголюбский под Луческом оказался окружен врагами и вынужден был уходить от погони на раненом коне. Когда казалось, что гибель неминуема, князь Андрей производит следующие действия, как пишет летописец: он «помолился к Богу и, выня меч свои, призва на помощь себе святого мученика Феодора»¹¹. Символическое значение здесь получает меч, упомянутый в одном ряду с молитвами: именно святая воля прежде всего защитит и направит меч князя.

Изображение святых воинов с оружием на руках становится воплощением воинской доблести и стойкости. Оружие на иконах играет особую, символическую роль. Оно, с одной стороны, приближает образ святого к земным воинам, ведь в руках святого тоже копье, тот же меч или лук – обычное оружие, а не неведомая сила, а с другой стороны, изображение оружия на иконах освящает его как символ войны, символ долга и воинской доблести. Стоит так же помнить, что меч был неотъемлемой княжеской принадлежностью: в руках святых он получает особое значение, освящающее власть князя. Наиболее знаковый пример – икона Дмитрия Солунского XII в. из Успенского собора в Дмитрове, хранящаяся в Государственной Третьяковской Галерее¹². Художник, видимо, хотел подчеркнуть душевную стойкость воителя и его бесстрашие. Монументальная, спокойная фигура полна силы; в жесте правой руки, вынимающей меч из ножен, чувствуется огромная внутренняя собранность. Сам меч прорисован очень четко и реалистично. Его полуобнаженное лезвие добавляет фигуре Дмитрия Солунского властность.

Ярким отображением воинского идеала Древней Руси служит Новгородская икона, изображающая св. Георгия (Государственная Третьяковская Галерея, XII в.)¹³. Святой с княжеским венцом на голове представлен в рост, на золотом фоне. В правой руке, согнутой и прижатой к груди, он держит копье; в опущенной левой руке он сжимает висящий у

¹¹ Долгов В.В. «Волшебные мечи» в контексте религиозных представлений человека Древней Руси. С. 118.

¹² Лазарев. В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 2000. С. 41, 241. Илл. 20

¹³ Там же. С. 33, 163-164. Илл. 2.

бедро меч в ножнах. За левым плечом Георгия виднеется круглый щит. Изображение оружия здесь играет особую роль: меч в ножнах, уверенный, но легкий, непринужденный хват копья, которое стоит наискосок, как будто опираясь на плечо – это придает образу св. Георгия спокойствие и воинскую сдержанность. Но во всей фигуре скользит уверенность и готовность в любой момент встать на защиту родной земли, если того потребует воинский долг. Именно поэтому оружие выдвинуто на передний план, выставлено напоказ.

«Долгая, многовековая воинская культура чувствуется во всем облике героя: в привычном сознании воинского долга и достоинства, в осанке, в ценности и добротности ратных доспехов и оружия, в изысканной украшенности одежд, в манере держать оружие, особая значительность которого видна в подчеркнута любовной точности изображения»¹⁴. В отличие от иконы Дмитрия Солунского, меч здесь – эмблема независимости и военной мощи Руси, а не власти, как и во всем облике нет и тени властности – Георгий защитник Русской земли, а не властитель. На другой иконе, изображающей св. Георгия, та же тема воинской сдержанности, которая опять же подчеркнута тщательно вырисованным оружием: святой держит в правой руке копье, а в левой – меч, который он как будто выставляет напоказ, подобно драгоценной реликвии.

Очень интересна икона «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину» второй четверти XIII в. Предание связывает ее с именем московского князя Михаила Ярославича Хороборита (упоминается в 1238–1248 годах)¹⁵. На иконе представлен в строгом фронтальном положении архангел Михаил с коленопреклоненным Иисусом Навином. Архангел, выступающий покровителем князя и ратного люда, изображен в воинственной позе: в левой руке он держит ножны, в правой – поднятый меч, как символ правосудия и возмездия.

¹⁴ Демина Н.А. Отражение поэтической образности в древнерусской живописи (на примере иконы «Георгий-воин» XI–XII веков) // Древнерусское искусство: в 22 тт. Т. 6. Художественная культура домонгольской Руси / редкол. В.Н. Лазарев, Г.К. Вагнер, М.А. Ильин, О.И. Подобедова. М., 1972. С. 21.

¹⁵ Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. С. 46, 139, Илл. 27.

На древнерусских иконах изображается не только такое каноническое оружие, как меч и копье. Есть изображения лука. Например, на иконе Дмитрия Солунского XV в.¹⁶ Воин изображен с луком и копьем в руках. У пояса колчан со стрелами. Или икона св. Георгия, на которой он изображен в рост с мечом и копьем в руках. За спиной колчан со стрелами¹⁷.

Необходимо так же отдельно остановиться на надписях на мечах и христианской символике на оружии. Надписи на клинках часто относят к «языческим пережиткам», но это не представляется верным. Согласно А.Н. Кирпичникову, подписные мечи X-XI вв. составляли почти половину всей продукции, но чаще всего это были клейма мастерских. Наиболее крупная семейная марка была представлена мастерской Ulfbert, известны также надписи *Ingelrii me fecit*, *Cerolt*, *Leitrit* и другие. Правда, про некоторые знаки геометрического характера, симметрично расположенные и чаще всего не имеющие аналогов, исследователь пишет, что они «...имели как маркировочное, «фирменное», так и магическое значение. Кресты и круги, например, являлись очень распространенными древними символами огня и солнца и, возможно, оберегали от злых духов»¹⁸.

Однако, с середины XII в. Имена мастеров начинают исчезать. Им на смену чаще приходят инкрустированные в верхней трети клинка дамаскированной или железной проволокой христианские аббревиатуры. Основную религиозную нагрузку несут в себе аббревиатурные клейма, состоящие из сложных сокращений. Так, начиная с IX в. встречается серия надписей, состоящих из одной буквы, за которой скрывается одно из имен Божьих. После XII в. эта традиция становится весьма редкой. Основные сиглы этих ранних клейм: O – *Omnipotens*, X- *Christus*, I – *Iesus*, менее распространены такие как A – *Altissimus*, R – *Redemptor*, S – *Salvator*. Все надписи фланкированы знаком креста. Известны и более сложные сокращения: +LIGNVDL+*Lignum Domini lignum* (XI в.), +GOXOAIEAI+

¹⁶ Русская иконопись от истоков до начала XVI века. С. 58, 139. Илл. IV-15.

¹⁷ Там же. С. 58, 139. Илл. IV-14.

¹⁸ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX – XIII вв. С. 39.

Gentrix omnipotentis altissimi Iesu (XII в.). Позднее аббревиатуры еще более усложняются: +NIGODYGNUDICOLUCNUDICODI+. Если последнюю фразу расшифровать, то она будет переводиться следующим образом: «Во имя Матери Иисуса Матери всемогущего Бога, во имя Господа Вселенной Иисуса Христа Господа Нашего» (XIII-XIV вв.)¹⁹.

Подобные религиозные надписи, представленные более чем 100 вариантами различной сложности, встречаются вплоть до XIV в. включительно. Риторический символ надписи – постоянный рефрен, усиливающий мощь произнесения Божьего имени через частое повторение. По сути, это молитвенный призыв. Осознавали ли смысл этих надписей войны Древней Руси, культура которой не владела латынью? Предположим, что надписи осознавались владельцами, как имеющие христианское значение, что предавало оружию сакральное значение. При этом не следует думать, что это было продуктом подражания латинской культуре или распространенного в то время импорта предметов литургической культуры латинского обряда. Археологический материал доносит до нас христианские символы, освящающие различное оружие – кистени, рукоятки, ножны. В одном из курганов Владимирского ополья был найден наконечник ножен для ножа с крестом²⁰. Ярким примером оружия с христианской символикой может служить вышеописанный т. н. «симбирский топорик».

По мнению А.Е. Мусина «христианская символика, нанесенная на оружие, конечно же, не служила средством освящения убийства на войне, и, вероятно, была способом указания на посвящение оружия Богу и новой вере»²¹. С одной стороны, христианские символы на оружии несли тот же смысл, что и орнамент, не содержащий христианских символов: декоративная функция и, в некотором смысле, «обережная» функция.

Интересна также традиция помещений мечей в церквях как реликвий и

¹⁹ Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 172-173.

²⁰ Там же. С. 181.

²¹ Там же. С. 338.

мемориального оружия. Ряд исследователей, как и А.Н. Крипичников, считают, что в данном случае языческие традиции сплетались с новой феодальной военной символикой, в результате чего и появилась возможность помещения оружия в пространстве христианского храма²². Меч превращается в христианскую святыню, освященную авторитетом бывшего владельца и характером его использования.

Пожалуй, самый известный в древнерусской литературе меч, обретенный в храме, связан с уже рассмотренной Муромской повестью о Петре и Февронии. Меч, чудесным образом добытый их алтарной стены, становится действенным оружием против змия, что превращает его в христианскую реликвию²³.

Из Троицкого собора происходит еще один меч, приписываемый традицией князю Всеволоду Мстиславовичу. Князь скончался в Пскове в 1137 г. и был погребен сначала в церкви Святого Дмитрия Солунского, а в последствии его мощи были перенесены в Троицкий собор. Поздняя летопись сообщает, что «поставиша под ним его меч, иже и доньше стоит видим всеми»²⁴. Однако первое достоверное упоминание об этом мече, вызвавшем удивление Ивана Грозного, когда тот в Троицком соборе прикладывался к нему, относится к 1569 г. – времени посещения Пскова великим князем.

Действительно, меч, как реликвия святого князя XII в., достоин удивления, поскольку он не связан ни с этой эпохой, ни с восточно-христианской культурой. Он относится к постнорманской группе мечей. Орнаментация его бронзовых декоративных частей построена на элементах, характерных для европейской геральдики XIV в. Геральдические львы держат над собой корону, здесь же присутствует дракон, а помимо прочей растительности изображаются кедровые шишки. Начертанный на мече

²² Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 226.

²³ Там же.

²⁴ Крипичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX – XIII вв. С. 52.

латинский девиз «*Honorem meam nemini dabo*» принадлежит графскому роду Зайн-Витгенштейнов, известному с XIV в.²⁵

Также наблюдается продолжение традиции положения оружия в могилы князьям и воинам. В христианской традиции это было также общественным явлением – мечи в прицерковных погребениях известны с Толедо (Испания) до Вестером (Швеция) и Тродхейма (Норвегия). Среди древнерусских находок наиболее известны меч из тайника Десятинной церкви в Киеве, а также меч из погребения при Спасском соборе в Чернигове, обнаруженный в 1796 г. С оружием похоронены и посадники начала XIII века, лежащие в Георгиевском соборе Юрьевского монастыря близ Новгорода – Дмитрий Мирошкинич и Борис Семенович²⁶.

Подводя итог, уточним – менялась ли с распространением христианства на Руси символика оружия, его сакральное значение? Очевидно, что да. Но, прежде чем приступить к подробному рассмотрению изменений, связанных с христианским пониманием символики оружия, необходимо оговориться, что ни о каком противопоставлении «языческой» культуры Руси ее «христианской» культуре речи быть не может. Такое разграничение является искусственным и в основе своей опирается на книжное понимание христианства, что в основе своей неверно. «Попытка придать общечеловеческим элементам в средневековой психологии статус религиозного феномена исторически некорректна»²⁷.

Итак, христианская культура привносит в символику оружия новые черты. Оружие освящается пространством храма и принадлежностью к святым. Во многом, конечно, новая символика диктовалась византийским и, в какой-то мере, европейским влиянием. Так, помещение в храмах мемориального оружия было общеевропейским явлением – мечи в прицерковных погребениях известны от Толедо (Испания) до Вестерос

²⁵ Мусин А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. С. 235.

²⁶ Там же. С. 226.

²⁷ Там же. С. 75.

(Швеция) и Трондхейма (Норвегия), где в церкви девы Марии во время раскопок были найдены мечи²⁸. Среди древнерусских находок наиболее известны меч из тайника Десятинной церкви в Киеве, а так же меч из погребения в Спасском соборе в Чернигове. Но во многом оружие в христианской символике было закономерным продолжением предыдущей, языческой эпохи, где так же присутствовало особое, сакральное отношение к оружию, а так же развитием феодальной символики. Именно в христианскую эпоху формируется особый воинский идеал Древней Руси, выразительным символом которого становится оружие.

²⁸ Там же. С. 226.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении, хотелось бы отметить, что проанализированные в работе факты свидетельствуют о том, что на Руси складывалась своя, во многом своеобразная, оружейная символика.

Наиболее символичным оружием Средневековья являлся меч. Анализ многочисленных миниатюр и летописных упоминаний позволяет сказать, что, как и в Европе это было оружие правящей элиты, ее статусным символом, но на Руси меч имел так же и диалектически противоположную трактовку, являясь, одновременно и символом свободы и национальным символом русского войска – без него не обходится ни одно летописное, поэтическое описание битвы. Это было обусловлено разным социальным развитием по сравнению с Западной Европой, где носителем меча был только король и рыцарь, а на Руси меч мог иметь теоретически не только любой свободный человек (что ярко доказывает Русская Правда), но и более многочисленная, чем рыцарство, Западная Европа.

Поэтому в источниках меч, с одной стороны, всегда сопутствует князю, выделяет его на фоне остальных людей, а с другой стороны, меч становится символом русского войска: ни одно поэтическое описание битвы не обходится без упоминания мечей, которые «гремлеши о шелома» противников. Но еще одной причиной, диктовавшей отличие символики оружия от западноевропейской, было то, что для древнерусского мировоззрения более важным становилось внутреннее содержание, нежели внешняя атрибутика. Большой акцент делался на сам смысл, на действие. Поэтому в средневековой Руси не сложилось столь яркой «идеологии меча», как это было в западноевропейской традиции. Важно и сакрально было само действие, следование определенному воинскому идеалу, а оружие служило подчиненным символом в этой системе ценностей.

С другой стороны, символика оружия проявляет себя в духовной, религиозной культуре. И здесь не стоит проводить черту между язычеством и

христианством – конечно же, изменение религиозной составляющей, связанное со становлением эпохи христианства, в общественном сознании происходит на основе традиционной социальной и материальной культуры. Не стоит забывать так же, что все письменные источники, по которым мы судим о языческих традициях, написаны уже в христианскую эпоху.

Мы видим в духовной культуре особое отношение к оружию, подчеркивание воинской атрибутики на иконах и в храме. Оружие становится символичным воплощением воинского идеала, воинского долга. Такое понимание оружия дополняет так же феодальную символику – оружие в руках князя становится еще и сакральным символом, освящая его властные полномочия.

Былины и сказки выражают народное понимание символики оружия. Оружие, ставшее «волшебным» упоминается в сказках, необычайными свойствами наделено оружие былинных богатырей, оно участвует в клятвах, в захоронениях, магических ритуалах. Многие исследования, вопроса волшебности мечей, не находили отличий с легендарными мечами Западной Европы. Но проделанный в работе анализ фольклорных и археологических материалов, позволяет сказать, что кроме наличия таких волшебных свойств, как способность действовать без воли хозяина, в чем проявляется закономерность первобытного мышления, когда оружие или орудие действуют не в силу прилагаемых усилий, а в силу необычайных качеств. Выявлено множество отличий, так же обусловленных историко-географическими и социальными особенностями развития древней Руси. Так, мечи русских сказаний безымянны, не имеют биографии и четко определенных качеств. Вопреки также распространенному мнению, что оружие было одухотворено, являлось как бы самостоятельным существом в сознании средневекового общества, не находит подтверждений в дошедших до нас источниках. Магические свойства оружия всегда активизирует воля человека, в захоронениях, сломанное оружие показывает не попытку его «убить», а как и другие сломанные предметы символизирует лишь переход из одного качества в другое, необходимое для перехода вслед за хозяином в иной мир.

В эпосе мы находим древнейшие представления об оружии, как и любом другом орудии, связанные с тем, что оно наделено особой силой, дающей предмету способность действовать независимо от своего хозяина, справедливо вершить суд.

Оружием, символизирующим русское войско, становятся меч и сабля, копье, булава и лук. Конечно же, свой вклад в символику оружия вносит и соседство со степью. Так, особой символикой наделяется лук, воспетый не только летописями и миниатюрами, но и былинами и сказками. В категорию «белого», символического оружия не попадает боевой топор, что объясняется иным его пониманием, более важным, чем представление о нем, как о символическом воинском атрибуте.

Невозможно провести четкой грани между христианством и языческой культурой. Такое разграничение является искусственным и в основе своей опирается на книжное понимание христианства. Кроме того, следует помнить, что все источники использованные в работе были написаны или прошли в своем становлении через христианскую эпоху. Анализ многочисленного иконографического материала и летописного ярко показывает, что оружие продолжало являться важным символом, христианская культура вносила в символику оружия и новые черты. Оружие освящалось пространством храма и принадлежностью к святым. Во многом, конечно, новая символика диктовалась византийским и, в некоторой степени, европейским влиянием. Так помещение в храмах мемориального оружия было общеевропейским явлением. Среди древнерусских находок это знаменитые мечи Довмонта Псковского и Всеволода Мстиславича, а так же мечи из тайника Десятиной церкви и погребения в Черниговском Спасском соборе. Но во многом оружие в христианской символике было продолжением предыдущей, языческой эпохи, где присутствовало сакральное отношение к оружию, а так же обуславливалось феодальной символикой, именно в христианскую эпоху формируется особый воинский идеал древней Руси.

Рассмотрение оружия как символа в духовной культуре Древней Руси раскрывает перед нами целую систему средневекового мировоззрения, помогает глубже и ярче понять значение войны, религии и символа в жизни людей той эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

І. Опубликованные источники

1. Арциховский, А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А.В. Арциховский. – М.: МГУ, 1944. – 215 с.
2. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: в 3-х т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Наука, Т. 1. 1984. 576 с.; Т. 2. 1984. 485 с.; Т. 3. 1985. 552 с.
3. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах // Библиотека всемирной литературы / под ред. С. Шлапоберской. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 9. – С. 364 – 374.
4. Былины / Под ред. Ю.А. Андреева. – Л.: Советский писатель, 1986. – 552 с.
5. Глазырина, Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты. Перевод. Комментарии / Г.В. Глазырина. – М.: Ладомир, 1966. – 242 с.
6. Исландские саги. Ирландский эпос // Библиотека Всемирной литературы / под ред. С. Шлапоберской. – М.: Художественная литература, 1973. – 864 с.
7. Кельты. Ирландские сказания / Пер. Л. Володарской. – М.: Арт-Флекс, 2000. – 304 с.
8. Повесть временных лет // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 3 – 30.
9. Повесть временных лет // Хрестоматия по истории России / сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. – М.: Проспект, 2003. – С. 13 – 45.
10. Повесть о Вавилонском царстве // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 218 – 225.
11. Повесть о Петре и Февронии // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 233 – 241.
12. Правда Русская: в 2-х томах / Под ред. Б.Д. Грекова. – М.-Л.: Издательство АН СССР, – 1940. – Т. 1. – 506 с.
13. Пропп, В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 604 с.

14. Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М.В. Кукушкина. – М.: Искусство, 1994. – 936 с.
15. Русская бытовая повесть XV-XVII вв. / Сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Ужанкова. – М.: Советская Россия, 1991. – 448 с.
16. Русская Правда в краткой редакции // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г.: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. – М.: Гуманитарный и российский центр Владос, 2004. – С. 236 – 259.
17. Русская Правда в краткой редакции. Пространная редакция Русской Правды // Хрестоматия по истории России / сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. – М.: Проспект, 2003. – С. 45 – 56.
18. Слово о полку Игореве // Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси // Библиотека всемирной литературы / под. ред. А.М. Козловского. – М., 1969. – Т. 15. – С. 274 – 325.
19. Слово о полку Игореве // Хрестоматия по Древнерусской литературе XI – XVIII вв. / Сост. Н.К. Гудзий. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 57 – 78.
20. Слово о полку Игореве // Хрестоматия по истории России / сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. – М.: Проспект, 2003. – С. 58 – 63.
21. Тегнер Э. Сага о Фритьофе Смелом / Пер. Б. Айхенвальда, А. Смирницкого. – М.: Терра, 1996. – 352 с.

II. Литература

22. Аверенцев, С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 581–582.
23. Алешковский, М.Х. Курганы русских дружинников XI-XII вв. / М.Х. Алешковский // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 85.
24. Артемьев, А.Р. Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде / А.Р. Артемьев, П.Г. Гайдухов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – 1995. – № 4. – С. 202-206

25. Артемьев, А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого / А.Р. Артемьев // *Материалы по археологии Новгорода*: 1988. – М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. – С 5–28.
26. Артемьев, А.Р. О мечях-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею / А.Р. Артемьева // *Российская Археология*. – 1995. – № 2. – С 66–74.
27. Артемьев, А.Р. Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода / А.Р. Артемьев // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. – 1994. – № 8. – С. 158.
28. Арциховский, А.В. Оружие / А.В. Арциховский // *История культуры Древней Руси* / ред. Н.Н. Воронин, М.К. Каргер, М.А. Тиханова. – М.: АН СССР, 1951. – С 417 – 438.
29. Арциховский, А.В. Оружие / А.В. Арциховский // *Очерки русской культуры XIII-XV вв.* / под ред. А.В. Арциховского. – М.: МГУ, 1969. – С. 389 – 415
30. Арциховский, А.В. Русская дружина по археологическим данным / А.В. Арциховский // *Исторический журнал*. – 1939. – № 1. – С. 193–195.
31. Булава // *Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия*: в 2-х тт. / Автор-сост. В.В. Богуславский. – М.: Олма-Пресс, 2001. – Т. 1. – С. 183.
32. Васильев, Б.Г. Рисунки-граффити церквей XII в. в Старой Ладогe / Б.Г. Васильев // *Новгород и Новгородская земля. История и Археология*. – Великий Новгород, – 2001. – Вып. 15. – С. 232 – 233.
33. Велецкая, Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н.Н. Велецкая. – М.: Наука, 1978. – 293 с.
34. Викинги: Набеги с Севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. – М.: Терра, 1996. – 168 с.
35. Высоцкий, С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI-XVII вв.) / С.А. Высоцкий. – Киев: Наукова думка, 1976. – 456 с.
36. Галенко, А. Лук и ружье в рыцарской символике украинского казачества: парадоксы казацкой идеологии и проблема восточного влияния

- // *Mediaevalia Ucrainica: ментальность и история идей*. – 2003. – № 5. – С. 47-50.
37. Горский, А.А. Древнерусская дружина / А.А. Горский. – М.: Прометей МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. – 124 с.
38. Гуревич, А.Я. Марк Блок и историческая антропология / А.Я. Гуревич // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 712 с.
39. Даркевич, В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве / В.П. Даркевич // Советская Археология. – 1961. – № 4. – С. 95–96.
40. Демина, Н.А. Отражение поэтической образности в древнерусской живописи / Н.А. Демина // Древнерусское искусство: в 22 тт. Т. 6. Художественная культура домонгольской Руси / редкол. В.Н. Лазарев, Г.К. Вагнер, М.А. Ильин, О.И. Подобедова. – М.: Наука, 1972. – С. 7–24.
41. Долгов, В.В. «Волшебные мечи» в контексте религиозных представлений человека Древней Руси / В.В. Долгов // Вестник УдГУ. Серия «История». – 2005. – С. 118–125.
42. Дрбоглав, Д.А. Загадки латинских клейм на мечах XI-XIV вв. / Д.А. Дрбоглав. – М.: МГУ, 1984. – 137 с.
43. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М.: Прогресс, 1987. – 380 с.
44. Кирпичников А.Н. Военное дело Руси IX – XV вв. / А.Н. Кирпичников. – Л.: Наука, 1976. – 201 с.
45. Кирпичников А.Н. Русское оружие ближнего боя. / А.Н. Кирпичников. – М.-Л.: Наука, 1966. – 189 с.
46. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников. – М.-Л.: Наука, 1966. – 143 с.
47. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. / А.Н. Кирпичников. – М.-Л.: Наука, 1966. – 147 с.
48. Кирпичников, А.Н. О начале производства мечей на Руси /

- А.Н. Кирпичников // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. – М.: Б.и., 1998. – Т.4. – С. 246–251.
- 49.Кирпичников, А.Н. Снаряжение всадника и коня на Руси IX – XIII вв. / А.Н. Кирпичников. – СПб.: Альфарет, 2006. – 140 с.
- 50.Кирпичников, А.Н. Так называемая сабля Карла Великого / А.Н. Кирпичников // Советская Археология. – 1965. – № 2. – С. 268–276.
- 51.Кирпичников, А.Н. Меч с рельефными украшениями рукояти из раскопок гнёздовского могильника / А.Н. Кирпичников, С.Ю. Каинов // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного исторического музея. – М., 2001. – Вып. 124. – С. 68–72.
- 52.Контамин, Ф. Война в Средние Века / Ф. Контамин. – СПб.: Ювента, 2001. – 414 с.
- 53.Корзухина, Г.Ф. Из истории древнерусского оружия / Г.Ф. Корзухина // Советская археология. – 1950. – Т. 13. – С. 74–89.
- 54.Корзухина, Г.Ф. Ладожский топорик / Г.Ф. Корзухина // Культура Древней Руси: Сборник статей, посвященных 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина / отв. ред. А.Л. Монгайт. – М.: Наука, 1966. – С. 89–96.
- 55.Кулаков, В.И. Культовое оружие балтов и славян X–XII вв. / В.И. Кулаков // *Slavia Antiqua*. Т. XXXIII. – Poznan, 1993. – С. 115–130.
- 56.Лазарев, В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. / В.Н. Лазарев. – М.: Искусство, 2000. – 540 с.
- 57.Лосев, А.Ф. История Античной эстетики / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство. 1988. – 414 с.
- 58.Лосев, А.Ф. Проблемы становления символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 368 с.
- 59.Лук // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти выпусках / Под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – Вып. 3. – С. 77 – 78.
- 60.Макаров, Н.А. Декоративные топорики из Белозерья / Н.А. Макаров //

- Памятники культуры. Новые открытия. 1987. – М.: Наука, 1988. – С. 455 – 456.
- 61.Макаров, Н.А. Древнерусские амулеты-топорики / Н.А. Макаров // Российская археология. – 1992. – № 2. – С. 41–56.
- 62.Мандзяк, А.С. Боевая магия славян / А.С. Мандзяк. – Минск: Харвест, 2007. – 544 с.
- 63.Медведев, А.Ф. Оружие Новгорода Великого / А.Ф. Медведев // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 65. – С. 132.
- 64.Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А.Ф. Медведев. – М.: Наука, 1966. – 184 с.
- 65.Медынцева, А.А. Подписные шедевры древнерусского ремесла / А.А. Медынцова. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- 66.Меч // Свод русского фольклора. Былины. Словарь: в 25 тт. – М.-СПб.: Наука, 2001. – Т. 2. – С. 583 – 630.
- 67.Меч // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти выпусках / Под ред. Б.Л. Богородского, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – Вып. 3. – С. 102 – 103.
- 68.Мусин, А.Е. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета / А.Е. Мусин. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. – 368 с.
- 69.Петренко, В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. / В.П. Петренко. – СПб.: Наука, 1994. – 138 с.
- 70.Прозоров, Л.Р. Боги и касты языческой Руси / Л.Р. Прозоров. – М.: Эксмо, 2006. – 321 с.
- 71.Прозоров, Л.Р. Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен / Л.Р. Прозоров. – М.: Эксмо, 2006. – 288 с.
- 72.Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2009. – 336 с.
- 73.Рыбаков, Б.А. Военное искусство / Б.А. Рыбаков // Очерки русской культуры XIII–XV вв. / под ред. А.В. Арциховского. – М.: Наука, 1969. – С. 380–388.
- 74.Седова, М.В. Амулет из древнего Новгорода / М.В. Седова // Советская

- археология. – 1957. – № 4. – С. 166–167.
75. Серафимов, Б. Кресты. Формы, награды, символы / Б. Серафимов. – СПб.: Весь, 2003. – 96 с.
76. Скворцов, А.Л. Боевые топоры викингов / А.Л. Скворцов // Тюменский исторический сборник. – Вып. 3. – Тюмень: Издательство Тюменского Государственного Университета, 1999. – С. 58–59.
77. Сухарев, Ю.В. Оружие древней Руси / Ю.В. Сухарев // Военно-исторический журнал. – 1998. – № 2. – С. 12–16.
78. Тен, Ю.П. Символы России и зарубежных государств / Ю.П. Тен. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 332 с.
79. Топор // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. И.И. Соколова. – М.: ИРАН РФ, 2002. – С. 160.
80. Ужанков, А.Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских / А.Н. Ужанков. – М.: Советская Россия, 1991. – 444 с.
81. Успенский, Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси / Б.А. Успенский // Проблемы изучения культурного наследия / под. ред. Г.М. Степанова. – М.: Наука, 1985. – С. 326–336.
82. Флори, Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства / Ж. Флори. – СПб.: Евразия, 1999. – 314 с.
83. Фроянов, И.Я. Былинная история / И.Я. Фроянов, Ю.И. Юдин. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 1997. – 450 с.
84. Экшотт, Э.Р. Археология оружия / Э.Р. Экшотт. – М.: Центрполиграф, 2006. – 400 с.
85. Юнг, К.Г. Подход к бессознательному / К.Г. Юнг // Человек и его символы / ред. К.Г. Юнг. – СПб.: БСК, 1996. – С. 119 – 121.
86. Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. – М.: Академический проспект, 2007. – 288 с.

III. Интернет – ресурсы.

- 87.Булава // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1969 – 1978. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article001880.html>
- 88.Копьё // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1969 – 1978. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article064494.html>
- 89.Меч // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. – 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article076167.html>
- 90.Описание картины «Богатыри (Три богатыря)» Васнецова, 1898. – URL: https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1321-opisanie-kartiny-bogatyri-tri-bogatyrya-vasneceva-1898.html
- 91.Палица // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1969 – 1978. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article086415.html>
- 92.Палица, булава, шестопёр. – URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/tradition/palica-bulava-shestoper.html>
- 93.Радзивилловская летопись. – URL: <http://andcvet.narod.ru/BGK/RA/sam1.html>
- 94.Русский боевой лук. – URL: <http://rusdarpa.ru/?p=363>
- 95.Сабля // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. – 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978. – URL: <http://bse.sci-lib.com/particle024388.html>
- 96.Секирич, Е. Язык символов – язык вечности / Е. Секирич. – URL: http://www.manwb.ru/articles/simbolon/simbol_lengua/Simbols_lingva_ES/
- 97.Топор // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1969 – 1978. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article111391.html>
- 98.Топор // Оружие Древней Руси. – URL: <http://historicaldis.ru/blog/43278188142/Oruzhie-Drevney-Rusi>

99.Шестопёр // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1969 – 1978. – URL: <http://bse.scilib.com/article123758.html>

Приложение 1.

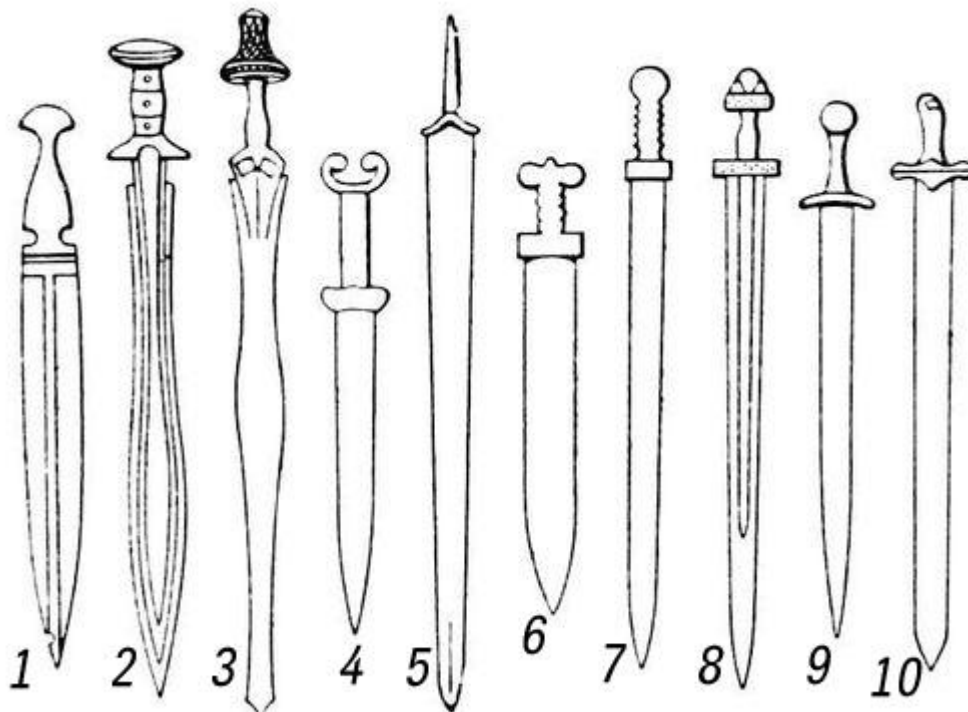
Изображение оружия (меч, палица, копьё, лук и стрелы)
на картине В.М. Васнецова Богатыри, 1898 г.¹

¹ Описание картины «Богатыри (Три богатыря)» Васнецова, 1898. URL: https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1321-opisanie-kartiny-bogatyri-tri-bogatyrya-vasnecova-1898.html (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 2.

Изображение различных разновидностей меча.
Понятие «меч» в Большой Советской энциклопедии¹

Меч – колющее и рубящее оружие ближнего боя. Состоит из клинка (обычно прямого и обоюдоострого) и рукояти, снабженной перекрестием и навершием. Предшественники М. – клинки, состоявшие из костяной основы, в которую вставлялись кремнёвые вкладыши, известны по находкам эпохи неолита в районе озера Байкал. Бронзовые М. были распространены с середины 2-го тыс. до н.э. в Месопотамии, Закавказье и Западной Европе. Древнейшие металлические М. делились на колющие (рис. 1, 2) и рубящие. В последней трети 2-го тыс. до н.э. появились колюще-рубящие М. Железные М. начала 1-го тыс. до н.э. повторяли форму бронзовых (рис. 3, гальштатская культура). В 1-й половине 1-го тыс. до н.э. длинные железные М. (иногда с бронзовыми рукоятями) существовали в Европе, Закавказье и на Среднем Востоке. Короткий М. – акинак (рис. 4) был распространён у скифов. Длинные рубящие М. употреблялись в Европе во 2-й половине 1-го тыс. до н.э. пехотой и тяжёлой конницей (рис. 5). Древние римляне (3 в. до н.э. – 3 в. н.э.) имели для пешего боя короткий и широкий М. – гладиус (рис. 6), для конного – длинный рубящий М., называвшийся спата (рис. 7). На Руси древнейшие М. датируются 9 в. и существовали до 16 в. (рис. 8, 9), когда были вытеснены саблями. В 13 в. появились первые русские колющие М. При специальном исследовании М., хранящихся в отечественных музеях, обнаружено, что многие из них имеют различные меты, указывающие на место их производства. Выявлены, в частности, подписи западно-европейских ремесленников, а на М. конца 10 в. – русская надпись: «Людота Коваль». М. были обычно оружием знати и у многих народов являлись символом власти.

¹ Меч // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article076167.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 3.

Изображение меча как символа власти князя¹ и копий как оружия рядовых воинов² на миниатюрах Радзивиловской летописи (лист 47в, лист 14 н)

¹ Радзивиловская летопись (лист 47 в). URL: <http://andcvet.narod.ru/BGK/RA/asd102.html> (дата обращения: 12.12.2017)

² Радзивиловская летопись (лист 14 н). URL: <http://andcvet.narod.ru/BGK/RA/asd104.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 4.

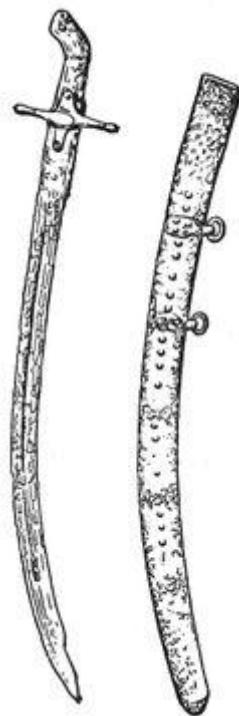
Изображение меча как символа княжеской власти¹
на миниатюре Радзивилловской летописи (лист 12 в.)

¹ Радзивилловская летопись (лист 12в). URL: <http://andvet.narod.ru/BGK/RA/asd33.html>
(дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 5.

Изображение сабли и ножен.
Понятие «сабля» в Большой Советской энциклопедии¹

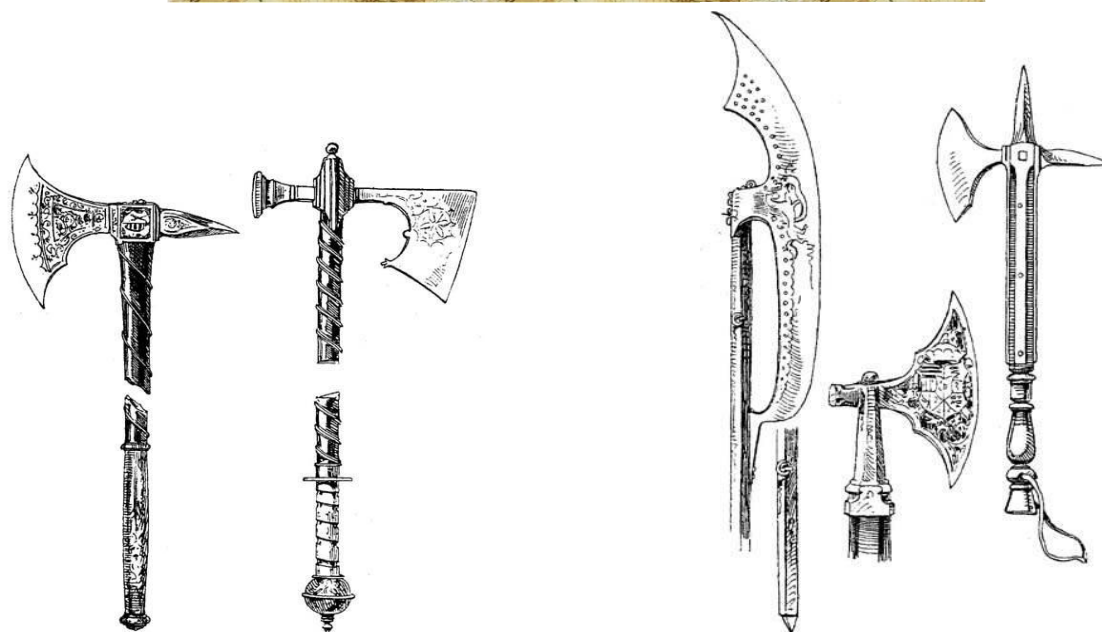

Сабля – (венг. *szablya*, от *szabni* – резать), вид рубящего холодного оружия. Имеется много различных типов С. Появилась на Востоке в 6–7 вв.; в русских летописях упоминается с 10 в. Состоит из стального клинка и рукояти (эфеса), вкладывается в ножны. Клинок – кривой, с лезвием на выпуклой стороне и обухом на вогнутой, имеет остриё (иногда долы) и хвостовик для насадки рукояти, длина 800–900 мм, ширина 30–35 мм. Эффективность С. определяется таким сочетанием кривизны клинка и положения центра тяжести, при котором уменьшается угол резания и увеличивается сила удара. Клинки восточных С., предназначенных только для рубки, имеют стрелу изгиба до 100 мм, европейских, в том числе поздних русских, предназначенных для рубки и укола, – 10 мм. Рукояти имеют различное устройство – с крестовинами и перекрестиями, с 1–3 дужками. Ножны бывают деревянные, обтянутые кожей, сафьяном или бархатом, украшенные металлическими накладками, часто серебром, золотом, а иногда драгоценными камнями; в 19–20 вв. ножны С. – металлические, никелированные, хромированные или воронёные. В России в 16 в. С. были вооружены конные и пешие стрельцы. С 18 в. в европейских и русских армиях С. состояла на вооружении лёгкой конницы и командного состава всех родов войск. В 1881 в русской армии С. была заменена шашкой и сохранялась лишь в гвардии как парадное оружие. В СССР в 1940 были введены парадные С. для генералов, в 1949 заменены кортиками.

¹ Сабля // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article098665.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 6.

Изображение различных разновидностей боевого топора¹.
Понятие «топора» в Большой Советской энциклопедии²

Топор – рубящее орудие, предназначенное главным образом для обработки дерева; применялся и как оружие. Появился в раннем неолите, имел вид вытянутого каменного клина, закреплявшегося в расщепленном конце деревянной рукояти. В позднем неолите и бронзовом веке распространились полированные каменные Т. В эпоху бронзы появились также медные и бронзовые проушные Т. (с отверстием для рукояти). Каменные Т. после этого тоже стали делать проушными, повторяющими по форме металлические (воспроизводился даже литейный шов). В железном веке повсеместно распространились железные проушные Т. В Древней Руси 11 – 13 вв. различались Т. лесорубные, плотничные и боевые (последние часто богато украшались). Современный тип Т. распространился в начале 17 в.

¹ Топор // Оружие Древней Руси. URL: <http://historicaldis.ru/blog/43278188142/Oruzhie-Drevney-Rusi> (дата обращения: 12.12.2017)

² Топор // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article111391.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 7.

Изображение различных видов булав.
Понятие «булава» в Большой Советской энциклопедии¹

Булава – старинное оружие в виде стержня с головкой, длиной около 0,5–0,8 м.Б. с каменной головкой появилась в неолите, с металлической – в бронзовом веке. Это оружие характерно для Древнего Востока. В античном мире оно применялось мало; у римлян Б. (клава) введена лишь во 2 в. н. э. В средние века Б. существовала на мусульманском Востоке, в Западной Европе (с 13 в.), была распространена в Русском государстве 13–17 вв. Различали обычную шарообразную Б. и шестопёр, головка которого была разделена на продольные дольки. У многих племён и народов Б. была не столько оружием, сколько символом власти. До 19 в. она служила символом власти и достоинства у турецких пашей, польских и украинских гетманов. У казаков сохранилась до начала 20 в. под названием насеки как принадлежность станичных и поселковых атаманов.

¹ Булава // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article001880.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 8.

Изображение различных видов шестопёров¹.
Понятие «шестопёр в Большой Советской энциклопедии»²

Шестопёр, древнерусское ударное оружие 15–17 вв.: жезл с головкой из 6 металлических пластин – «перьев», разновидность булавы. Впервые упоминается в 1502 в описании битвы русских с орденскими рыцарями. Служил также знаком власти военачальников. В Оружейной палате Московского Кремля хранятся шестопёры, украшенные серебром, золотом и драгоценными камнями.

¹ Палица, булава, шестопёр. URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/tradition/palica-bulava-shestoper.html> (дата обращения: 12.12.2017)

² Шестопёр // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article123758.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 9.

Изображение палицы¹.
Понятие «палица» в Большой Советской энциклопедии²

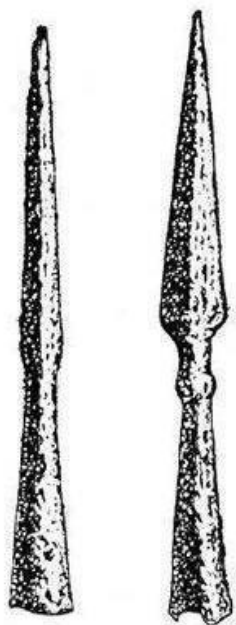
Палица – древнее ударное или метательное оружие, появившееся в эпоху палеолита. П. изготовлялись из прочных и тяжёлых сортов дерева; позже появились каменные навершия и в бронзовом веке — металлические. П. ещё встречаются у некоторых отставших в своём развитии племён Африки, Южной Америки, Океании. У ряда народов П. видоизменялись из ударного в колющее оружие (например, кирри – П. у бушменов). Из метательных П. развился бумеранг. П. (иначе ослоп) в виде дубины с утолщённым концом, обычно окованным железом или утыканным большими железными гвоздями и остроконечниками, была простейшим ручным оружием древнерусских воинов. От П. ведут происхождение булава и шестопёр.

¹ Палица, булава, шестопёр. URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/tradition/palica-bulava-shestoper.html> (дата обращения: 12.12.2017)

² Палица // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article086415.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 10.

Копьё, его изображение и понятие
в Большой Советской энциклопедии¹

Копьё – колющее или метательное оружие. Применялось во время войны и на охоте большинством народов мира (см. также Дротик, Копьеметалка). Появилось в эпоху палеолита. Первоначально представляло собой палку с заострённым концом; в дальнейшем состояло из древка длина от 1,5 до 5 м и наконечника (в каменном веке – каменного или костяного, с эпохи бронзы – металлического). Особенно широкое распространение К. получило в железном веке. На вооружении римской пехоты были К. с тяжёлой и длинной железной частью (пилум). В средние века К. была вооружена рыцарская конница и пехота. В Древней Руси К. также было оружием и пеших, и конных воинов; метательные К. (сулицы) носились в особом колчане. Средневековые К. имели главным образом гранёные наконечники, пробивавшие оборонительные доспехи противника. Разновидность длинного облегчённого К. – пика – сохранялась в пехоте до конца 17 – начала 18 вв., а в кавалерии – до начала 20 в. К. как оружие охоты сохранилось у некоторых современных, отставших в своём развитии племён Африки, Южной Америки и др.

¹ Копьё // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article064494.html> (дата обращения: 12.12.2017)

Приложение 11.

Изображение русского боевого лука со стрелами¹.
Понятие «лук» в Большой Советской энциклопедии²

Лук – ручное оружие для метания стрел. Употреблялся почти у всех племён и народов мира (кроме коренных жителей Австралии и Микронезии) с эпохи мезолита до 17 в. (у некоторых народов и в 20 веке). Простой Л. представлял собой согнутую в дугу деревянную палку, концы которой стянуты тетивой (употреблялся народами Южной Африки, Южной Америки, Меланезии, был распространён у римлян, древних германцев, норманнов, англо-саксов). Сложный Л. составлялся из деревянной основы, на которую с внешней стороны наклеивались сухожилия, а с внутренней – роговые пластинки, середина и концы рукояти иногда имели костяные накладки. Он был прочнее простого и превосходил его в дальности полёта стрел; употреблялся народами Древнего Востока. На территории СССР известен в 1-м тысячелетии до н. э. у скифских и сарматских племён, гуннов Забайкалья и среднеазиатских народов. Древнерусский Л. относился к типу сложных. Им пользовались пешие и конные воины. В эпоху средневековья Л. в течение длительного периода сосуществовал и конкурировал с огнестрельным оружием. Стрельба из лука – один из древнейших видов спорта.

¹ Русский боевой лук. URL: <http://rusdarpa.ru/?p=363> (дата обращения: 12.12.2017)

² Лук // Большая советская энциклопедия: в 30-ти тт. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969 – 1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article071620.html> (дата обращения: 12.12.2017)